

6 / 2017

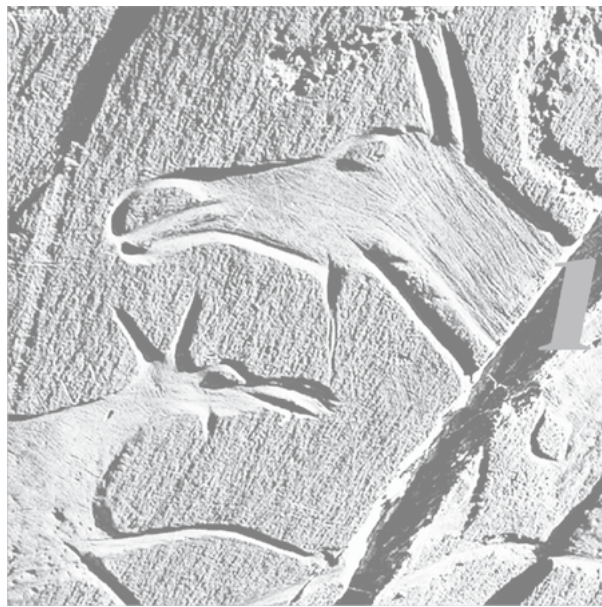
Ученые
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Ученые записки

музея-заповедника
«Томская Писаница»

Выпуск 6

Кемерово
2017

ISSN 2411–7838

Научное издание

**Ученые записки
музея-заповедника
«Томская Писаница»**
Журнал издается с 2015 года,
Выходит 2 раза в год

Учредитель

Государственное автономное
учреждение культуры Кемеровской
области «Историко-культурный
и природный музей-заповедник
«Томская Писаница»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75-86-33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Главный редактор

В. А. Каплунов, заслуженный
работник культуры РФ

Редакционная коллегия:

А. И. Мартынов, доктор
исторических наук, профессор,
академик Российской академии
естественных наук, главный
специалист ГАУК КО Музей-
заповедник «Томская Писаница»

Д. Г. Савинов, доктор исторических
наук, профессор кафедры археоло-
гии Института истории Санкт-
Петербургского государственного
университета, Член-корреспондент
Германского Археологического
Института

А. Ф. Покровская, кандидат куль-
турологии, и.о. директора ГАУК
КО Музей-заповедник «Томская
Писаница», старший преподаватель
кафедры музейного дела КемГИК

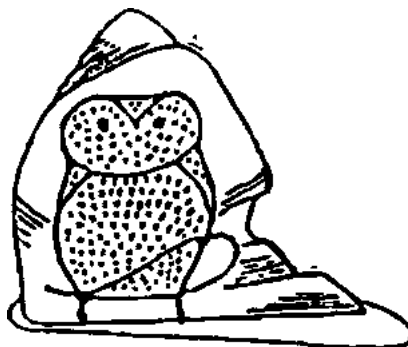
Ответственный секретарь

С. В. Иванова, старший хранитель
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Междисциплинарное периодическое издание, нацеленное на публикацию оригинальных исследований, проектов, обзоров, сообщений, отчетов о конференциях, рецензий на работы по актуальным вопросам теории и практики музееведения, археологии и этнологии.

Журнал включен в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).

Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Сдано в набор 12.12.2017 г.
Подписано в печать 26.12.2017 г.
Формат 62×84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,9.
Заказ 171212. Тираж 150 экз.

ООО «Примула»

650024, Россия, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31.
e-mail: primulaprint@mail.ru

Отпечатано ООО «Азия-Принт»

650004, Россия, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35А.

© ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница»

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Орлова Е.А.

Использование предметов «Телеутской коллекции» из фондов музея-заповедника «Томская Писаница» на уроках музейной педагогики 4

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Археология

Илюшин А.М.

Погребения воинов на Солнечном-1 из фонда археологических материалов музея-заповедника «Томская Писаница» 10

Миклашевич Е.А., Ойношев В.П., Бове Л.Л.

Древние рисунки в гроте на горе Кайындубут (Горный Алтай) 24

Миклашевич Е.А.

О выставке «Наскальное искусство Южной Сибири» и работах по изготовлению факсимильных копий петроглифов Алтая 31

Мухарева А.Н.

Новые изображения эпохи раннего средневековья в наскальном искусстве комплекса Улазы 38

Плац И.А.

Материалы к археологической карте Юга Нижнего Притомья 45

История

Адаменко А.М., Челомбитко М.А.

Из истории Никольского прихода Кемерова: церковь на улице Чапаева 57

Архивный документ

К 400-летию основания Кузнецкого острога

Рукописная копия Отписки томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о построении Кузнецкого острога (1618 г. не ранее мая) 59

Письмо Министра Внутренних дел графа Виктора Павловича Кочубея, извещающее об утверждении гербов городам Томской губернии и рисунки гербов городов Бийск и Кузнецк с резолюцией Александра I «Быть по сему» и его собственноручной подписью 62

План г. Кузнецка первой половины XVIII в 64

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК: 069.121

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ «ТЕЛЕУТСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» НА УРОКАХ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Орлова Елена Александровна,

к.и.н., старший научный сотрудник, научно-экспозиционный отдел, ГАУК КО «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: orlovaea42@gmail.com.

Деятельность современных музеев отличается разнообразием направлений, причём одним из важнейших является воспитательно-образовательная работа. Музейная педагогика – один из эффективных способов сохранения и актуализации культурного наследия коренных малочисленных народов.

Целью данной статьи является рассмотрение роли музейных предметов «Телеутской коллекции» из фондов музея-заповедника «Томская Писаница» на уроках музейной педагогики.

Важнейшая задача музейного педагога заключается в создании условий, позволяющих сформировать у учащихся позицию не стороннего наблюдателя, а заинтересованного исследователя. Педагог должен способствовать воспитанию личной ответственности в отношении к сохранению наследия прошлого, а также организовать учебный процесс так, чтобы ученик не просто запоминал учебный материал, но понимал его и давал ему эмоционально-нравственную оценку. Для этого необходимо не просто демонстрировать учащимся во время проведения музейного урока различные музейные предметы, но и вовлекать школьников в активное взаимодействие с данными материальными объектами.

Реализации заявленной задачи способствует музейный урок «Телеуты – коренной народ Кузбасса», разработанный в рамках музейно-педагогической программы «Музееведение. История Сибири». Цель урока – познакомить учащихся 6–9 классов с культурой и традиционным жизненным укладом телеутского народа.

Данный урок может служить примером организации музейным педагогом активного взаимодействия учащихся с предметами из музейной коллекции. Урок «Телеуты – коренной народ Кузбасса» знакомит школьников с верованиями, традициями и жизненным укладом одного из малочисленных народов России. Также у учащихся формируется представление о работе с предметом музейных сотрудников, особенно о том, как они изучают музейный предмет и какую информацию получают в процессе его исследования.

Ключевые слова: музей, музейная деятельность, музейная педагогика, музейно-педагогическая программа, музейный предмет, культурное наследие, телеуты.

USE OF ITEMS OF THE 'TELEUT COLLECTION' FROM THE TOMSKAYA PISANITSA MUSEUM RESERVE'S COLLECTIONS IN THE MUSEUM PEDAGOGY LESSONS

Orlova Elena Aleksandrovna,

Ph.D. in History, Senior Researcher, State Autonomous Cultural Institution of Kemerovo region «Historical Cultural and Natural Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa,» (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: orlovaea42@gmail.com

The activities of modern museums differ in a variety of directions, and one of the most important is educational work. Museum pedagogy is one of the effective ways to preserve and actualize the cultural heritage of indigenous peoples.

This study explores the role of the museum's items of the 'Teleut Collection' from the Tomskaya Pisanitsa Museum Reserve's collections in the lessons of museum pedagogy.

The museum teacher's most important objective is to create conditions that allow students to form a position not as an outside observer, but as an interested researcher; to encourage a personal responsibility in relation to the preservation of the heritage of the past; to help not only to memorize educational material, but to understand it and give it an emotional and moral assessment. To achieve this, it is necessary not only to demonstrate to students various museum items during the museum lesson, but also to involve them in active interaction with these material objects.

The museum lesson, named 'Teleuts – the Indigenous Peoples of Kuzbass,' was created within the framework of the museum and educational program «Museology. History of Siberia,» and it contributes to the realization of the stated goals. The purpose of the lesson is to introduce students in grades 6–9 to the culture and traditional way of life of the Teleut people.

The museum lesson, called 'Teleuts – the Indigenous Peoples of Kuzbass,' can serve as an example of the active interaction of students with objects from the Teleut collection. It introduces students to the beliefs, traditions and lifestyle of one of the indigenous peoples of Russia and the Kuzbass – Teleuts. Also, students learn how the museum staff works with the object, especially how they study the museum item and what information is obtained in the process of research.

Keywords: museum, museum activities, museum pedagogy, museum and educational program, museum object, cultural heritage, Teleuts.

Деятельность современных музеев отличается разнообразием направлений, причём одним из важнейших является воспитательно-образовательная работа. Исследователи видят главную цель воспитательно-образовательной деятельности музея в формировании у человека способности к творческому восприятию того или иного феномена культуры, органичного включения в культурную сферу. Музейные сотрудники активно ищут новые методы организации взаимодействия с посетителями, способы музейной коммуникации.

Понятие музейной коммуникации ввёл в научный оборот канадский музеолог Д. Ф. Камерон в 1968 г. Учёный выделил базовые компоненты музейного коммуникационного процесса (посетитель, экспозиционер, вещь). Таким образом, согласно Д. Ф. Камерону, музейная коммуникация представляет собой процесс общения посетителей с музейными экспонатами. Данное общение основано, во-первых, на умении создателей экспозиции выстраивать с помощью экспонатов особые невербальные пространственные «высказывания», а во-вторых, на способности посетителя понимать «язык вещей» [7, с. 247–248].

Под музейными предметами понимаются реальные вещи, артефакты, носители определённой информации. Музейные предметы могут использоваться в учебном процессе как наглядный материал. Они являются материальными объектами деятельности человека, и как материальные объекты содержат информацию об определённом историческом, культурном событии или историческом периоде.

Предметы, составляющие музейные коллекции, могут познакомить посетителей с культурой и бытом коренных малочисленных народов, чей традиционный жизненный уклад в настоящее время находится под угрозой исчезновения. Угроза эта выражается в том, что распространение современных средств связи, усиление экономической

взаимозависимости различных регионов, унификация культуры ведут к отказу от архаичных способов ведения хозяйства и связанной с ними системы знаний, а также забвению родного языка и утрате целого комплекса представлений о мире и месте человека в нём.

В Кузбассе проживают два народа, отнесённые к коренным малочисленным – шорцы и телеуты. Телеуты (самоназвание тадар, байат-пачат) – народ монголоидной расы, традиционное место проживания – юг Западной Сибири (Кемеровская область). По языку относятся к тюркским народам. Численность телеутов в РФ по данным Всероссийской переписи 2010 г. составляет 2643 человека [2], из них в Кемеровской области – 2 520 чел. Телеуты являются преимущественно сельскими жителями. Около 2 тысяч человек компактно живут в сёлах Беково, Челухоево, Верховская, Шанда, Ново-Бачаты на территории Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Также телеуты живут в Новокузнецком районе Кемеровской области и Шебалинском районе Республики Алтай.

Одним из эффективных способов сохранения и актуализации культурного наследия коренных малочисленных народов является музейная педагогика. Она представляет собой междисциплинарное направление на стыке музееведения, педагогики, психологии, культурологии, этики и некоторых других наук. Воспитание и образование с помощью приёмов музейной педагогики имеет ряд особенностей.

Так, воспитательная работа, которая осуществляется музейными сотрудниками, подразумевает включение результатов (предметов) человеческой культуры в процесс формирования нравственных ценностей, эстетической культуры ребенка, уважительного отношения к истории, традиции и их носителям, то есть людям [5, с. 116]. Неотъемлемым компонентом воспитательного процесса становится музейный предмет.

В музейной педагогике процесс обучения понимается как освоение музейной информации на качественно новом уровне. Обучение включает передачу и усвоение знаний, а также приобретение умений и навыков в процессе музейной коммуникации. Обучение в музее предполагает получение дополнительных либо альтернативных знаний, которые невозможно или не в полной мере можно получить в других образовательных учреждениях. Особенностью обучения в музее является неформальность и добровольность, возможность максимальной реализации способностей и удовлетворения интересов, оно стимулируется разнообразием и подлинностью музейных предметов. Одной из форм такого обучения является проведение музейных уроков [4, с. 165].

Целью данной статьи является рассмотрение роли музейных предметов «Телеутской коллекции» из фондов музея-заповедника «Томская Писаница» на уроках музейной педагогики.

«Телеутская коллекция» относится к основному фонду и насчитывает 52 единицы хранения, представленные национальной одеждой телеутов и предметами культа. «Телеутская коллекция» позволяет получить представление о многих аспектах духовной и материальной культуры этого древнего народа.

Подобное взаимодействие осуществляется во время музейного урока «Телеуты – коренной народ Кузбасса», разработанного в рамках программы «Музееведение. История Сибири». Урок предназначен для учеников 6–9 классов. Систематическое изучение основ наук требует от школьников средних классов понимания более сложных и абстрактных отношений между объектами, формирования отвлечённых понятий. В процессе учебной деятельности мышление приобретает аналитический характер, развивается способность активно и самостоятельно мыслить, рассуждать, сравнивать, делать глубокие обобщения и выводы. Существенные изменения в подростковом возрасте претерпевают память и внимание, которые становятся все более произвольными и приобретают характер организованных, регулируемых и управляемых процессов.

В связи с этим в музейно-педагогические программы, предназначенные для учащихся рассматриваемого возраста, необходимо включать тематические и исторические циклы, расширяющие знания учащихся в конкретной области [8, с. 154–155]. Так, урок «Телеуты – коренной народ Кузбасса» должен познакомить учащихся 6–9 классов с культурой и традиционным жизненным укладом телеутского народа и ролью музеев в деле сохранения культурного наследия этого коренного малочисленного этноса, что позволяет расширить знания школьников по истории родного края. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– образовательную – сформировать у школьников представление о роли музеев в деле сохранения духовной и материальной культуры телеутов;

– развивающую – способствовать развитию у учащихся логического мышления, умения правильно обобщать данные, сравнивать и делать выводы;

– воспитательную – сформировать у школьников уважительное отношение к истории и культуре разных народов.

Примерное время проведения занятия 1 академический час.

Следует отметить, что у учащихся средних классов, для которых разработан урок, в этом возрасте должна формироваться осознанная потребность в самообразовании, расширении кругозора, повышении своей компетентности. Кроме того, в этом возрасте сознание подростков характеризуется определенной противоречивостью – восприимчивость к новому сочетается со стремлением критически осмыслить опыт старших, следствием чего является особая потребность в убедительной аргументации и широте информации [1, с. 20]. В музее таким веским аргументом является подлинный предмет – первоисточник познания.

Помимо показа музейных предметов, рассказ музейного педагога о телеутах обязательно должен сопровождаться демонстрацией слайд-презентации. Кроме того, для лучшего запоминания учащимися новой информации необходимо поддерживать диалог со школьниками, задавая им вопросы, позволяющие актуализировать уже имеющиеся знания по истории России и Кузбасса.

Тип занятия – комбинированный урок. Подразумевается активный диалог между преподавателем и учениками, постановка музейным педагогом тематических проблемных ситуаций, что способствует развитию интеллектуального и общекультурного уровня школьников.

Педагог, сопровождая свой рассказ слайд-презентацией, должен кратко охарактеризовать происхождение и историю телеутского народа, их традиционные занятия, фольклор [9, с. 5–127], религию и обычаи [3 с. 14–127], национальную кухню, народный костюм, а также устройство традиционного жилища телеутов.

Диалог с аудиторией музейному педагогу стоит начать с вопроса о народах, проживающих в России, и о том, какие из них живут на территории нашей малой родины – Кузбасса. Это напомним учащимся о том, что Российская Федерация – многонациональная страна, поэтому так важно знать и уважать культуру различных народов. Также во время рассказа об истории телеутов целесообразно актуализировать уже имеющиеся у школьников знания по истории Отечества. Например, рассказывая о телеутах в период монгольских завоеваний, можно задать вопрос о том, с именем какого полководца они связаны, и какие

страны были захвачены монголами. Затрагивая тему добровольного вхождения телеутов в состав Российского государства при Борисе Годунове, актуален будет вопрос о том, чем известно правление этого русского царя, и какой период наступил после.

Получить представление о хозяйственных занятиях телеутов помогут следующие вопросы учащимся: «Давайте вместе назовём основные хозяйственные занятия людей в старину; как они зависели от природных условий места проживания людей?»

С хозяйственными занятиями людей тесно связаны их кулинарные традиции – соотношение мясной и растительной пищи, способы её приготовления и застольный этикет. Стоит отметить, что в настоящее время многие национальные блюда можно попробовать на музейных праздниках. Например, в музее-заповеднике «Томская Писаница» каждую весну, в марте, проходит праздник тюркских народов Саяно-Алтая – Чыл-Пажи («Голова года»). Он представляет собой встречу Нового года у шорцев, алтайцев, телеутов и др. Познакомиться с традициями собирательства коренными малочисленными народами Кузбасса колбы (черемши) и других дикоросов, а также узнать традиционные рецепты блюд из колбы можно во время «Фестиваля колбы». Этот праздник впервые проводился в музее-заповеднике «Томская Писаница» в мае 2017 г. Рассказ педагога о кулинарных традициях телеутов сопровождается демонстрацией какого-либо предмета традиционной телеутской посуды.

Для осуществления межпредметных связей краткий обзор телеутского фольклора стоит начать с вопроса к учащимся, какие жанры устного народного творчества им знакомы. Характеристику фольклорных жанров стоит закончить упоминанием шаманских заклинаний, которые также являются произведениями народного творчества. После этого музейному педагогу стоит перейти к рассказу о религиозных представлениях телеутов. Здесь уместно задать школьникам вопрос о том, какие религии они знают и каковы их отличительные черты. Рассказ музейного педагога следует сопроводить демонстрацией телеутских предметов культа, хранящихся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» – священных кукол эмегендеров, представляющих собой духи предков-шаманок; энекелеров, изображавших духов-охранителей семьи; канаттуларов – духов-покровителей охотничьего промысла и семейного очага.

Представленные в слайд-презентации фотографии и рисунки национального телеутского костюма должны также сопровождаться показом музейных предметов – воротничков для платьев тяка, нагрудника тошток, мужских и женских поясов кур. Показывая тошток, педагог упоминает,

что он являлся важным атрибутом свадебного костюма, после чего следует краткий рассказ о свадебных обычаях телеутов и демонстрация рисунка, изображающего телеутскую невесту, а также фотографий с выставки «Тюркская невеста» из фондов музея-заповедника.

Рассказ о традиционном жилище телеутов стоит предварить вопросом о том, из чего человек может построить жилище? Также музейный педагог уточняет, почему, по мнению, учащихся, жилища разных народов отличаются друг от друга? В ходе рассказа необходимо упомянуть, что постепенно телеуты стали переходить от юрты к деревянным жилищам по русскому типу.

Для закрепления пройденного учебного материала особенно эффективно использование педагогом игровых технологий, а также технологии коллективных творческих дел, которые дают учащемуся возможность проявить самостоятельность в планировании, организации и контроле результатов собственной деятельности. «В связи с современным видением музея как научного, культурного и образовательного комплекса, среди задач образовательной работы на первый план постепенно выдвигается создание возможностей для развития и реализации творческого потенциала посетителей, а также для приобретения новых знаний и навыков в лёгкой, досуговой по своему характеру форме» [6, с. 7].

Школьникам даётся самостоятельное задание, включающее в себя взаимодействие с предметом. Для этого учащиеся делятся на небольшие группы (3–4 человека), и каждой группе музейный педагог раздаёт для описания какой-либо музейный предмет. Желательно, чтобы этот предмет был небольшим и несложным для описания – деревянная чашка, воротник тяка, пояс кур, культовый предмет канаттулар и т. д.

Ученикам предлагается сделать краткое описание полученного предмета в соответствии со следующим алгоритмом:

1. зарисовать предмет;
2. измерить его и записать размеры (длину, ширину и высоту) в сантиметрах;
3. определить и указать материал, из которого изготовлен предмет;
4. указать степень сохранности предмета – хорошая, удовлетворительная или плохая, и какие имеются повреждения;
5. определить функцию данного предмета – как он мог использоваться.

Затем представитель каждой группы рассказывает всем остальным о результатах.

Выполнение данного задания способствует закреплению у школьников комплексного представления как о традициях телеутов – коренного малочисленного народа Кузбасса, так и о работе сотрудников музеев по описанию предметов, поступивших в музейные фонды. Кроме того,

получение и закрепление знаний в процессе совместной деятельности сопровождается переживанием положительных эмоций.

Работа учащихся на уроке отличается сочетанием следующих компонентов: 1. рефлексивного, заключающегося в формировании умения анализировать свои чувства и эмоции, оценивать собственное отношение к родному краю; 2. когнитивного, состоящего в овладении школьниками соответствующим их возрасту объёмом понятий о народных традициях; 3. эмоционально-волевого – переживания личностью положительного эмоционального отношения к усваиваемым знаниям; 4. деятельностного – реализации эмоционально

окрашенных и осознанных знаний в конкретной деятельности.

Таким образом, организация музейным педагогом активного взаимодействия учащихся с предметами из «Телеутской коллекции» на уроке «Телеуты – коренной народ Кузбасса» позволяет познакомить школьников с верованиями, традициями и жизненным укладом одного из коренных малочисленных народов России и Кузбасса – телеутов. Кроме того, у учащихся формируется представление о работе с предметом музейных сотрудников, особенно о том, как они изучают музейный предмет и какую информацию получают в процессе его исследования.

Литература:

1. Детский музей – пространство педагогического эксперимента // Ребёнок в музее (Социологический и психолого-педагогический аспекты) / Рос. ин-т культурологии. – М., 1993. – 115 с.
2. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 29.06.2017).
3. Кацюба, Д. В. Духовная культура телеутов / Д. В. Кацюба. – Кемерово, 1993. – 192 с.
4. Макеева, И. А. Культурно-образовательная деятельность музея: содержание и формы / И. А. Макеева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 164–168 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-obrazovatel'naya-deyatelnost-muzeya-soderzhanie-i-formy> (дата обращения 16.05.2017).
5. Макеева, И. А. Педагогические аспекты музейной деятельности: историко-теоретический анализ / И. А. Макеева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 3 (40). – Т. 1. – С. 113–117 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-muzeynoy-deyatelnosti-istoriko-teoreticheskiy-analiz> (дата обращения 16.05.2017).
6. Роль музеев в образовании и развитии культурно-познавательного туризма: аналитическая записка / Авторы-сост.: М. Скирда, К. Чуева, А. Бойко [и др.]. – Киев, 2012–48 с [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002201/220143R.pdf> (дата обращения 16.05.2017).
7. Сапанжа, О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации / О. С. Сапанжа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 103. – С. 246–252 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-predstavleniy-o-muzeynoy-kommunikatsii> (дата обращения 26.04.2017).
8. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: Учеб. Пособие / Б. А. Столяров. – М.: Высш. шк., 2004–216 с.
9. Функ, Д. А. Устное творчество, игры и развлечения бачатских телеутов: итоги, проблемы и перспективы изучения / Д. А. Функ // Телеуты. Материалы к серии «Народы и культуры». – 1992. – Вып. XVII. – С. 5–140.

References:

1. Russian Institute for Cultural Research. Detskiy muzey – prostranstvo pedagogicheskogo eksperimenta [Children's Museum – the space of pedagogical experiment]. Rebenok v muzee (Sotsiologicheskii i psikhologo-pedagogicheskii aspekty) [The Child in the Museum (Sociological and Psychological-Pedagogical Aspects)]. – Moscow, 1993. – 115 p. (In Russ.).
2. Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Information Materials on the Final Results of the 2010 All-Russia Population Census]. (In Russ.) [Electronic Record]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed 29.06. 2017).
3. Katsyuba, D. V. Dukhovnaya kul'tura teleutov [Teleut Spiritual Culture]. – Kemerovo, 1993. – 192 p. (in Russ.).
4. Makeeva, I. A. Kul'turno-obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeya: sodержanie i formy [Cultural and educational activities of the museum: content and forms]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of the N. A. Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Socio-Kinetics]. – 2011. – N. 4. –

- Vol. 17. – PP. 164–168 (In Russ.). [Electronic Record]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-obrazovatel'naya-deyatelnost-muzeya-soderzhanie-i-formy> (accessed 16.05. 2017).
5. Makeeva, I. A. Pedagogicheskie aspekty muzeynoy deyatel'nosti: istoriko-teoreticheskiy analiz [Pedagogical Aspects of Museum's Activity: Historical and Theoretical Analysis]. – Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin]. – 2012. – N. 3 (40). – Vol. 1. – PP. 113–117 (In Russ.). [Electronic Record]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-muzeynoy-deyatelnosti-istoriko-teoreticheskiy-analiz> (accessed 16.05.2017).
  6. Skyrda, M. et al. Rol' muzeev v obrazovanii i razvitii kul'turno-poznavatel'nogo turizma: analiticheskaya zapiska [Role of Museums in Education and Cultural Tourism Development: Policy Brief]. – Kiev, 2012. – 48 p. (In Russ.). [Electronic Record]. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002201/220143R.pdf> (accessed 16.05. 2017).
  7. Sapanzha, O. S. Razvitie predstavleniy o muzeynoy kommunikatsii [Development of Ideas about Museum Communication]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia]. – 2009. – N 103. – PP. 246–252 (In Russ.). [Electronic Record]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-predstavleniy-o-muzeynoy-kommunikatsii> (accessed 26.04.2017).
  8. Stolyarov, B. A. Muzeynaya pedagogika. Istoriya, teoriya, praktika: Ucheb. Posobie [Museum Pedagogy. History, Theory, Practice: Handbook]. – Moscow, Vysshaya Shkola Publ. – 2004. – 216 p. (In Russ.).
  9. Funk, D. A. Ustnoe tvorchestvo, igry i razvlecheniya bachatskikh teleutov: itogi, problemy i perspektivy izucheniya [Storytelling, games and entertainment of the Bachat Teleuts: results, problems and prospects of studying]. Teleuty. Materialy k serii «Narody i kultury» [Teleuts. Materials for the series «People and Culture»]. – 1992. – vol. 17. – PP. 5–140. (In Russ.).

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.26

ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ НА СОЛНЕЧНОМ-1 ИЗ ФОНДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Илюшин Андрей Михайлович,

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: ilushin1963@mail.ru

Публикуется информация о результатах раскопок захоронений воинов в могилах 1 и 2 кургана № 1 на курганной группе Солнечный-1 на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Материалы этих раскопок хранятся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница». Цель статьи состоит в том, чтобы дать культурно-историческую характеристику публикуемых материалов воинских захоронений из кургана № 1. В статье публикуются и описываются материалы раскопок. Археологические источники подвергаются классификации и сравнительному культурно-историческому анализу. Исследуются вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности воинских захоронений. Сравнительный и статистический анализ позволил сделать вывод о том, что исследуемые материалы можно датировать рубежом XII–XIII вв., а более узко началом XIII в. и отнести их ко второму этапу развития шандинской археологической культуры тюркоязычных кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины. Погребенные в кургане юные воины представляли собой легковооруженных всадников составлявших основу войска в Дешт-и-Кыпчак.

Ключевые слова: Курганная группа Солнечный-1, курган № 1, погребение, находки, тип, аналогия, развитое средневековье, воины, кочевники.

BURIALS OF SOLDIERS ON SOLNECHNOM-1 FROM FUND OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE MEMORIAL ESTATE «TOMSK PISANITSA»

Ilyushin Andrey Mikhailovich,

The doctor of historical sciences, professor of department of history, philosophy and social sciences of the Kuzbass state technical university of T. F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ilushin1963@mail.ru

Information on results of excavation of burials of soldiers is published in graves 1 and 2 barrows № 1 on kurganny group Solnechny-1 in the territory of the Leninsk-Kuznetsk region of the Kemerovo region. Materials of this excavation are stored in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa». The purpose of article consists in giving the cultural and historical characteristic of the published materials of military burials from a barrow № 1. In article materials of excavation are published and described. Archaeological sources are exposed to classification and the analysis comparative cultural historically. Questions of chronology and ethnocultural accessory of military burials are investigated. The comparative and statistical analysis allowed to draw a conclusion that the studied materials can be dated a boundary of the XII–XIII centuries, and is narrower the beginning of the XIII century and to carry them to the second stage of development of shandin sky archaeological culture of Turkic-speaking nomads of the developed Middle Ages of Kuznetsk Depression. The young soldiers buried in a barrow represented the lightarmed riders making a basis of army in Desht-i-Kypchak.

Keywords: Kurganny group Solnechny-1, a barrow № 1, pogrebeniye, nakhodka, type, analogy, the developed Middle Ages, soldiers, nomads.

Настоящая работа продолжает серию публикаций в настоящем издании материалов раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) в 2005 году на курганной группе Солнечный-1, которые хранятся и экспонируются в музее-заповеднике «Томская Писаница» [15, с. 39–49; 16, с. 19–29; 17, с. 31–45]. Публикуемые материалы представляют большой интерес не только в плане изучения региональной истории и культуры, но и позволяют исследовать различные вопросы развития военного дела в Кузнецкой котловине в период развитого средневековья. Публикация и анализ материалов археологических раскопок воинских захоронений из различных памятников развитого средневековья на территории Кузнецкой котловины позволили выйти на новый уровень исследований по истории военного дела на северной периферии Саяно-Алтая [1, с. 39–42; 16, с. 19–29; 17, с. 31–45; 21, с. 60–66; и др.]. Поэтому публикация новых источников представляется актуальной и своевременной. Цель настоящей статьи – ввести в широкой научной оборот материалы раскопок двух воинских захоронений из кургана № 1 курганной группы Солнечный-1 и осуществить их культурно-исторический анализ. Для достижения этой цели публикуемые материалы будут описаны, подвергнуты классификации и сравнительно-историческому анализу.

Курганная группа Солнечный-1 располагалась в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области на ЮВ окраине поселка Солнечный, рядом с автомагистралью, соединяющей г. Ленинск-Кузнецкий и с. Подгорное. Этот памятник исследовался сотрудниками ККАЭЭ в 1995 и 2005 годах [5, с. 63–64; 22, с. 330; 23, с. 28–29; 24, с. 48–49]. В дальнейшем было установлено, что курганная группа Солнечный-1 представляет собой остатки открытого и исследованного в 1927 году курганного могильника Новокамьшенка, подвергшегося сильному разрушению под воздействием антропогенных факторов [8, с. 160–184; 9, с. 100–103]. Она располагалась в ССЗ части памятника. Методика раскопок в 2005 году была обусловлена аварийным состоянием курганной группы и была подробно описана в первой публикации ее материалов [15].

Курган № 1 располагался в ССЗ части курганной группы. До начала раскопок он представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую земляную насыпь диаметром 21,3 м и высотой 1,65 м от современной поверхности и 1,95 м от материка. Насыпь была окопана вром подчетыреугольной формы, который длинной осью был ориентирован по линии З – В. Во рву имелся вход-перешеек и были зафиксированы фрагменты нижних челюстей лошадей и кость животного. В процессе раскопок под насыпью

кургана были выявлены и обследованы четыре грунтовые могилы. Одной из них (могила 3), сооруженной для погребения знатного воина, была посвящена отдельная публикация [16, с. 19–29]. В настоящей работе публикуются и исследуются материалы раскопок могилы 1 и 2, где были совершены захоронения воинов-всадников.

Могила 1 располагалась под северной полкой насыпи кургана на глубине 2,40–2,70 м и представляет собой погребение взрослого человека по обряду кремации на стороне со шкурой коня в одной грунтовой ступенчатой яме с подбоем. Могильная яма была углублена ступенями в материк на 0,45 и 0,75 м и имела форму овала размерами 2,24×1,48 м, который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ. Подбой представляет собой нишу шириной 0,12 м и высотой 0,36 м, которая сооружена на дне, в южной стенке грунтовой могильной ямы. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серую материковую глину. Захоронение шкуры лошади совершено на глубине 2,37–2,40 м в северной части грунтовой ямы, на верхней ступени, и было ориентировано головой на ЗЮЗ. Из суставов скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава передних ног. В зубах черепа лошади на глубине 2,37 м были найдены железные удила с кольчатыми псалиями, а между костями ног на глубине 2,40 м был найден фрагмент железного крепления седла (рис. 1; 2, 6, 7). Захоронение останков кальцинированных костей человека было совершено на глубине 2,70 м в ЮВ части могилы на берестяной подстилке, которая располагалась на уровне нижней ступени грунтовой ямы и частично находилась в подбое. Кальцинированные косточки человека располагались в виде небольшого скопления округлой формы диаметром, не превышающим 25 см. Это позволяет предполагать, что первоначально они находились в каком-то мешочке из органического материала. Берестяная подстилка сохранилась плохо по причине разрушения грызунами. Ее размеры 1,43×0,38 м, длинной осью она вытянута по линии ЗЮЗ – ВСВ. Среди кальцинированных костей на глубине 2,70 м была найдена бронзовая пряжка, а в ЗЮЗ части настила было найдено скопление железных наконечников стрел (рис. 1; 2, 1–5). В центральной части могилы, рядом с фрагментом берестяной подстилки, на глубине 2,67 м были найдены позвонки животного (предположительно, овцы или барана – А. И.). Размеры подстилки и количество кальцинированных костей позволяют предполагать, что в могиле были погребены останки взрослого человека или подростка, а их расположение и находки позволяют предполагать, что он условно был погребен головой на ВСВ.

Могила 2 была расположена под южной полкой насыпи кургана на глубине 2,90–3,05 м и представляла собой погребение мальчика в возрасте

не более 11–12 лет (определения сделаны к.и.н., зав. кабинетом антропологии ТГУ М. П. Рыкун) с тушей коня в одной грунтовой ступенчатой яме с подбоем. Могильная яма углублена ступенями в материк на 2,90 и 3,05 м и имеет форму овала размерами 2,06×1,27 м, который длинной осью был ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ. Подбой представлял собой нишу шириной 0,65 м и высотой 0,87 м, которая сооружена на дне, в северной стенке грунтовой могильной ямы. Заполнение могилы представляло собой чернозем и светло-серую материковую глину. При разборке заполнения грунтовой могильной ямы, после выборки двух штыков грунта на глубине 1,95–2,37 м были зафиксированы следы деревянной конструкции перекрытия в виде девяти торцом вкопанных деревянных столбов и плах, и шести плашмя лежащих досок разной величины. После выборки трех штыков заполнения могилы на глубине 2,37–2,52 м были зафиксированы следы деревянной конструкции перекрытия в виде тех же девяти торцом вкопанных деревянных столбов и плах, и двадцати трех плашмя лежащих досок разной величины. Под одной из досок, в северной части могилы, на глубине 2,52 м были найдены кости голени животного (барана или овцы – А. И.), и был выявлен подбой (рис. 3, А, Б). Захоронение коня было совершено на глубине 2,70–2,90 м, на дне верхней ступени грунтовой ямы, в позе на животе и было ориентировано головой на ЗЮЗ. Лицевой частью голова коня была повернута на север, в сторону подбоя. В зубах черепа лошади на глубине 2,37 м были найдены железные удила с кольчатými псалиями, а рядом и между ребер коня на глубине 2,85–2,90 м были найдены железные стремена, пряжка и пластина-накладка, а в СВ части могилы на берцовой кости лошади были зафиксированы курдючные кости барана (рис. 4; 5, 1–5). Захоронение человека было совершено в вытянутом положении на спине на глубине 3,05 м в С части могилы на берестяной подстилке, которая располагалась на уровне нижней ступени грунтовой ямы и полностью находилось в подбое. Размеры берестяной подстилки составляют 1,45×0,54 м, длинной осью она была вытянута по линии ЗЮЗ – ВСВ. На правой голени погребенного на глубине 3,05 м были зафиксированы курдючные кости барана. На глубине 3,02–3,05 м от пояса наискосок, справа налево, в ногах погребенного лежала сабля. Рядом с коленными суставами на глубине 3,05 м были найдены железное кольцо, тесло и крепление сабли, а на тазовых костях и левой берцовой кости – железные фрагменты крепления сабли, железного ножа и миниатюрная бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 4; 6, 6–14).

Публикуемые материалы можно систематизировать на уровне классификации типов-признаков (элементов) погребального обряда и предметов материальной культуры.

Среди элементов погребального обряда на уровне памятник и объект по разным группам можно выделить 7 типов-признаков: курганная группа; расположению объектов на площади памятника цепочкой; расположение памятника на высокой террасе, удаленной от водоема; округлая курганная земляная насыпь диаметром более 12 м; ров подчетырехугольной формы, длинной осью вытянутый по линии ЗЮЗ – ВСВ с ритуальной площадкой; среди находок во рву челюсти лошади и кости животных. На уровне погребения выделяются еще 13 типов-признаков: захоронение взрослого человека по обряду полной кремации на стороне со шкурой коня; захоронение взрослого человека по обряду ингумации в вытянутом положении на спине с конем; захоронения в грунтовых ямах, углубленных в материк; отсутствие надмогильных конструкций; грунтовые ямы со ступенями (нишами) и подбоями; берестяные подстилки на дне могилы; ориентация могил длинной осью по линии ЗЮЗ – ВСВ; кремированные останки человека в подбое, а шкура коня на ступеньке с северной стороны головой на ЗЮЗ; человек головой на ВСВ в подбое, а конь на ступеньке с левой стороны головой на ЗЮЗ; наличие в могилах костей овцы или барана, предметов вооружения, конского снаряжения и одежды.

Классифицированные элементы-признаки погребального обряда относятся к консервативным традиционным элементам культуры. Поэтому сравнительный анализ с уже опубликованными материалами по погребальному обряду средневековых кочевников Кузнецкой котловины позволяет выявить их этнокультурную принадлежность. Из 20 выявленных и классифицированных типов-признаков (элементов) погребального обряда в исследуемых материалах 15 имеют аналогии на курганной группе Конево (датируется рубежом XII–XIII вв.) и 12 аналогий имеются на четырех погребальных памятниках Торопово-1 (XIII–XIV вв.), Ишаново (конец XII–XIII вв.), Шестаки (конец XII–XIII вв.) и Озерки-1 (конец XII–XIII вв.) [2, с. 23–28, 129–160; 6, с. 68; 11, с. 70; 14, с. 80; 18, с. 18–20; 19, с. 17–19; 25, с. 41–68]. Все эти памятники отнесены к шандинской археологической культуре на втором этапе ее развития, когда было характерно «появление комбинированных объектов и памятников на которых фиксируются факты присутствия двух, а порой даже и трех археолого-этнографических комплексов» [7, с. 122].

Предметы, найденные при раскопках, по своему предназначению относятся к трем категориям – вооружение, конское снаряжение и одежда. К вооружению относятся предметы, которые могли использоваться в дистанционном и ближнем бою. К средствам ведения дистанционного боя относятся наконечники стрел (рис. 2, 2–5), а к средствам ведения ближнего боя относятся тесло, нож, сабля и предметы ее крепления (рис.

6, 6–13). При классификации используется опыт и разработки коллег при работе с такими материалами в Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях [1, с. 39–42; 3; 7; 10, с. 120–133; 12, с. 91–96; 13, с. 245–251; 20, с. 91–96; 26, с. 93–96; 27; 28; 29; 30; и др.].

Железные наконечники стрел, найденные в могиле 1, относятся к 3 группам и 3 типам.

Группа 1. Трехлопастные наконечники стрел, представлены 1 типом – ассиметрично-ромбические, насчитывающим 2 экземпляра (рис. 2, 2, 4). Этот тип наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины бытовал в VIII–XII вв. н.э. [10, с. 121].

Группа 2. Трехгранные наконечники стрел, представлены 1 типом – ассиметрично-ромбические, насчитывающим 1 экземпляр (рис. 2, 5). Этот тип наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины бытовал во второй половине VIII – первой половине XIII вв. н.э. [10, с. 123].

Группа 3. Двухлопастные наконечники стрел представлены 1 типом удлиненно-пятиугольные с поджатыми лопастями (рис. 2, 3). В Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях Алтая и Минусинской котловины наконечники стрел этого типа не известны. Лишь в единичных случаях представлены наконечники стрел других типов этой очень редкой группы, преимущественно, в материалах развитого средневековья [3, с. 41; 10, с. 132, рис. 5, 25, 26; 30, с. 32–33, рис. 17, 1].

К средствам ведения ближнего боя относится железное тесло, нож и сабля с фрагментами ее крепления из могилы 2 (рис. 6, 6–12). Общая длина сабли из могилы 2 составляет 74 см, а длина рубяще-режущего клинка составляла 66 см. Окончание клинка на 12–15 см от острия имело двустороннюю заточку. Рукоять сабли длиной 8 см начиналась от основания спинки клинка и имела наклон в сторону лезвия. Угол изгиба клинка не превышал 1 см. Это изделие внешне напоминает классический палаш, но изгиб рукояти в сторону лезвия клинка позволяет отнести его к ранней форме слабоизогнутых сабель (рис. 6, 6). От железного перекрестья сохранился лишь один небольшой фрагмент, что позволяет классифицировать это изделие. Сабля относится к группе трехгранные, к типу – с ладьевидным перекрестьем. На территории Кузнецкой котловины этот тип сабель известен на погребальных памятниках, датированных в пределах XI–XIII вв. [13, с. 245–251]. Железное кольцо и фрагменты других изделий, найденные рядом с саблями на тазовых костях и у коленок погребенного в могиле 2 (рис. 4; 6, 8, 10–12), видимо, представляют собой остатки ее крепления к поясу. Фрагмент ножа из могилы 2 (рис. 6, 13) относится к группе железных прямых ножей, типу маленьких без перекрестья, а железное тесло (рис. 6, 9) – к группе узколезвийные с несомкнутой втулкой, типу с плечиками. Эти

изделия были в употреблении у населения Кузнецкой котловины на всем протяжении эпохи средневековья.

Предметы конского снаряжения были найдены в обеих могилах (рис. 1; 4). В могиле 1 были найдены железные двукольчатые удила, звенья которых имеют два неподвижных кольца, расположенных перпендикулярно друг к другу на внешних концах звеньев, в которые были закреплены малые кольчатые псалии (рис. 2, 6) и штыреобразная заклепка крепления седла (рис. 2, 7). В могиле 2 были найдены железные однокольчатые удила на внешних концах звеньев, в которых были закреплены большие уплощенные кольчатые псалии с железными креплениями для ремней узды (рис. 5, 1). В этой же могиле были найдены железные стремена, относящиеся к типу с прямоугольным выступом на верхней дужке с плоской узкой подножкой (рис. 5, 2, 3). К предметам крепления седла относится железная пластина (рис. 5, 5) и подпружная пряжка, которая принадлежит к типу рамчатая округлая с подвижным язычком и приплюснутой передней дужкой (рис. 5, 4).

К предметам одежды относятся две бронзовые пряжки. В первой могиле она находилась рядом со скоплением кальцинированных косточек и, вероятно, представляла собой крепление для узкого кожаного ремешка, на который был завязан мешок из ткани или кожи с прахом погребенного (рис. 1; 2, 1). Эта пряжка относится к типу миниатюрные овальнорамчатые цельнолитые с неподвижным подчетыреугольным рамчатым щитком. Бронзовая пряжка из второй могилы крепилась на пояском ремне (рис. 4; 6, 14) и имела небольшие размеры. По своей форме и технологии изготовления ее можно отнести к типу миниатюрная фигурная цельнолитая рельефная с острым носиком. На обеих пряжках были железные язычки, что указывает на длительный период их использования.

Сравнительный анализ классифицированных 16 типов артефактов из могилы 1 и 2 кургана № 1 указывает, что наибольшее количество аналогий им выявлено на погребальных памятниках Конево (9 общих типов) (рубеж XII–XIII вв.), Шанда (8) (XI–XII вв.), Беково (XI–XII вв.), Шестаки-1 (конец XII–XIII вв.) и Ишаново (конец XII–XIII вв.) (все по 7 общих типов) [4, с. 39; 11, с. 70; 14, с. 80; 18, с. 18–20]. Эти памятники относятся к концу первого – началу второго этапа развития шандинской археологической культуре кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине [7, с. 120–124]. Для уточнения датировки исследуемых закрытых археологических комплексов (могила 1 и 2) проведем сравнительный анализ по всей совокупности классифицированных типов-признаков погребального обряда и артефактов. Из классифицированных 36 типов, выделенных при первичном анализе материалов раскопок могилы 1 и 2, 24 типа

находят аналогии на курганной группе Конево (рубеж XII–XIII вв.) и по 19 – на курганной группе Шестаки-1 (конец XII–XIII вв.) и на курганном могильнике Ишаново (конец XII–XIII вв.) [11, с. 70; 14, с. 80; 18, с. 18–20]. Корреляция датировок археологических памятников, которые наиболее близки по набору классифицированных элементов погребального обряда и артефактам, позволяет датировать могилы 1 и 2 в кургане № 1 рубежом XII–XIII вв. с наибольшей вероятностью их сооружения в начале XIII века. Эта датировка воинских захоронений совпадает с ранее датированными материалами из Солнечный-1 [15, с. 39–49; 16, с. 19–29; 17, с. 31–45], что косвенно подтверждает ее правомерность.

Публикуемые новые материалы позволяют ставить вопрос о том, что население, соорудившее погребальный памятник Солнечный-1, имело юных воинов в возрасте 11–12 лет. Последнее было, видимо, вынужденно, в связи с участием мужчин-воинов в походах монголов в период создания империи Чингизхана. На юношей ложились тяготы по охране своих кочевий и становищ. Судя по вооружению и погребальному обряду, юные воины представляли собой всадников, вооруженных луками со стрелами для дистанционного боя и саблями и ножами для ведения ближнего и рукопашного боя. Именно такая легковооруженная кавалерия составляла основу войска в Восточном Дешт-и-Кыпчак в период развитого средневековья [30, с. 120].

Литература:

1. Борисов, В. А. Захоронение средневекового воина по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине / В. А. Борисов // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – С. 39–42.
2. Васютин, А. С., Васютин, С. А., Онищенко, С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье) / А. С. Васютин, С. А. Васютин, С. С. Онищенко. – Кемерово: ОФСЕТ, 2012. – 213 с.
3. Горбунов, В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Наступательное вооружение (оружие) / В. В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. – Часть II. – 232 с.
4. Илюшин, А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат / А. М. Илюшин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.
5. Илюшин, А. М. Отчет о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году / А. М. Илюшин. – Кемерово, 1995. – 363 с.
6. Илюшин, А. М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) / А. М. Илюшин. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.
7. Илюшин, А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья / А. М. Илюшин. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.
8. Илюшин, А. М. Курганские могильники Камысла и Новокамышенка (по материалам раскопок А. Т. Кузнецовой в 1927 году) / А. М. Илюшин // Археология Степной Евразии. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. – С. 160–184.
9. Илюшин, А. М. Уничтожение историко-культурного наследия Кузбасса в процессе промышленного строительства (на примере курганного могильника Новокамышенка) / А. М. Илюшин // Безопасность жизнедеятельности предприятий в промышленно развитых регионах: Матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Кемерово: КузГТУ, 2009. – Т. 2. – С. 100–103.
10. Илюшин, А. М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины / А. М. Илюшин // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4/1. – С. 120–133.
11. Илюшин, А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура / А. М. Илюшин. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. – 188 с.
12. Илюшин, А. М. Железные однолопастные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины / А. М. Илюшин // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 385. – С. 91–96.
13. Илюшин, А. М. Сабли в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины / А. М. Илюшин // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. И. Соенова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – № 7 (19). – С. 245–251.
14. Илюшин, А. М. Курганы кыштымов в долине Ура / А. М. Илюшин. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. – 216 с.
15. Илюшин, А. М. Археологические материалы из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» / А. М. Илюшин // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2015. – Вып. 2. – С. 39–49.
16. Илюшин, А. М. Материалы раскопок могилы знатного воина в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» / А. М. Илюшин // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2016. – Вып. 3. – С. 19–29.

17. Илюшин, А. М. Материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» / А. М. Илюшин // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2016. – Вып. 4. – С. 31–45.
18. Илюшин, А. М. Курганная группа Шестаки-1 (типолого-хронологический анализ материалов) / А. М. Илюшин // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. матер. III Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 августа 2016 года). – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016. – Т. II. – С. 18–20.
19. Илюшин, А. М. Курганная группа Озерки-1 (классификация и культурно-хронологический анализ материалов) / А. М. Илюшин // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. матер. V Междунар. науч.-практ. конф. (7 апреля 2017 года). – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2017. – Т. I. – С. 17–19.
20. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г. Комплекс вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Сапогово-2 / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1994. – Вып. 2. – С. 91–96.
21. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4/2. – С. 60–66.
22. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г., Борисов, В. А., Ковалевский, С. А., Роговских, В. С., Маркова, Е. В. Кузнецкая археолого-этнографическая экспедиция / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, В. А. Борисов, С. А. Ковалевский, В. С. Роговских, Е. В. Маркова // Археологические открытия 1995 года. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 329–331.
23. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г., Ковалевский, С. А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, С. А. Ковалевский. – Кемерово, 1995. – 153 с.
24. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г., Ковалевский, С. А. Реестр памятников археологии на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 2000 году и вопросы их охраны и использования / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, С. А. Ковалевский. – Кемерово, 2000. – 180 с.
25. Кузнецов, В. А. Курганный могильник Шестаки-1 / В. А. Кузнецов // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. – Вып. 6. – С. 41–68.
26. Сулейменов, М. Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1) / М. Г. Сулейменов // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 93–96.
27. Худяков, Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. / Ю. С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
28. Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю. С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
29. Худяков, Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья / Ю. С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
30. Худяков, Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья / Ю. С. Худяков. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1997. – 160 с.

References:

1. Borisov, V. A. Zakhoronenie srednevekovogo voina po obriadu krematsii na storone v Kuznetskoi kotlovine [Burial of the medieval soldier on a cremation ceremony on the party in Kuznetsk Depression]. Altae-Saianskaia gornaia strana i istoriia osvoeniia ee kochevnikami [The Altai-Sayansk highland and history of development by her nomads]. – Barnaul: Izd-vo AGU, 2007. – P. 39–42. (In Russ.).
2. Vasiutin, A. S., Vasiutin, S. A., Onishchenko, S. S. Kaltyshinskii arkhologicheskii mikroraiion v kontse VIII – pervoi polovine XI vv. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prislair'e) [Kaltyshinsky the archaeological residential district at the end of VIII – the first half of the XI centuries AD: nature and culture (steppe Prislairye)]. – Кемерово: OFSET, 2012. – 213 p. (In Russ.).
3. Gorbunov, V. V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military population of Altai during the III–XIV centuries. Offensive weapons (weapons)]. – Barnaul: Publishing house of ASU, 2006. – Part II. – 232 p. (In Russ.).
4. Ilyushin, A. M. Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat [Tumulus of medieval nomads of the valley of the river Bachat]. – Кемерово: Kuzbassvuzizdat, 1993. – 116 p. (In Russ.).
5. Ilyushin, A. M. Otchet o polevykh arkhologicheskikh issledovaniikh Kuznetskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 1995 godu [The report on field archaeological researches of Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition in 1995]. – Кемерово, 1995. – 363 p. (In Russ.).
6. Ilyushin, A. M. Naselenie kuznetskoi kotlovin v epokhu razvitoogo srednevekov'ia (po materialam raskopok kurganogo mogil'nika Toropovo-1) [The population of Kuznetsk Depression during an era of the developed Middle Ages (on materials of excavation of a kurganny burial ground of Toropovo-1)]. – Кемерово: Изд-во KuzGTU, 1999. – 208 p. (In Russ.).

7. Ilyushin, A. M. Etnokul'turnaia istoriia Kuznetskoi kotloviny v epokhu sred-nevekov'ia [Ethnocultural history of Kuznetsk Depression during a Middle Ages era]. – Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2005. – 240 p. (In Russ.).
8. Ilyushin, A. M. Kurgannye mogil'niki Kamysla i Novokamysheka (po materialam raskopok A. T. Kuznetsovoy v 1927 godu) [Burial mounds of Camila and Novokamenka (on materials of excavations A. T. Kuznetsova in 1927)]. *Arkheologiya Stepnoy Evrazii* [Archeology of Steppe Eurasia]. – Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2008. – P. 160–184. (In Russ.).
9. Ilyushin, A. M. Unichtozhenie istoriko-kul'turnogo naslediiia Kuzbassa v protsesse promyshlennogo stroitel'stva (na primere kurgannogo mogil'nika Novokamysheka) [Destruction of historical and cultural heritage of Kuzbass in the course of industrial construction (on the example of a kurganny burial ground of Novokamysheka)]. *Bezopasnost' zhiznedeiatel'nosti predpriatii v promyshlenno razvitykh regionakh: Mater. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. T. 2.* [Health and safety of the enterprises in industrially developed regions: collection of materials VIII of the International scientific and practical conference]. – Kemerovo: KuzGTU, 2009. – T. 2. – P. 100–103. (In Russ.).
10. Ilyushin, A. M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuznetskoi kotloviny [Iron tips of arrows from medieval barrows of Kuznetsk Depression]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai state university]. – 2010. – № 4/1. – P. 120–133. (In Russ.).
11. Ilyushin, A. M. Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura [The mounds of the later nomads near the mouth Hurray]. – Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2012. – 188 p. (In Russ.).
12. Ilyushin, A. M. Zheleznye odnolopastnye nakonechniki strel u srednevekovogo naseleniia Kuznetskoi kotloviny [Iron single-blade tips of arrows at the medieval population of Kuznetsk Depression]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Tomsk state university]. – 2014. – № 385. – P. 91–96. (In Russ.).
13. Ilyushin, A. M. Sabli v kul'ture srednevekovogo naseleniia Kuznetskoi kotloviny [Sabers in culture of the medieval population of Kuznetsk Depression]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V. I. Soenova* [Antiquity of Siberia and Central Asia. The collection of scientific works devoted to V. I. Soyenov's anniversary]. – Gorno-Altai: GAGU, 2014. – № 7 (19). – P. 245–251. (In Russ.).
14. Ilyushin, A. M. Kurgany kyshtymov v doline Ura. [Kyshtymov mounds in the valley of Ur]. – Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2014. – 216 p. (In Russ.).
15. Ilyushin, A. M. Arkheologicheskie materialy iz raskopok Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v fondakh muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa» [Archaeological materials from excavation of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa» Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa» [Scientific notes of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa»]. – 2015. – Vyp. 2. – P. 39–49. (In Russ.).
16. Ilyushin, A. M. Materialy raskopok mogily znatnogo voina v fondakh muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa» [Materials of excavation of a grave of the notable soldier in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa»]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa»* [Scientific notes of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa»]. – 2016. – Vyp. 3. – P. 19–29. (In Russ.).
17. Ilyushin, A. M. Materialy raskopok Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v fondakh muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa» [Materials of excavation of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa»]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomaskaia Pisanitsa»* [Scientific notes of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa»]. – 2016. – Vyp. 4. – P. 31–45. (In Russ.).
18. Ilyushin, A. M. Kurgannaia gruppa Shestaki-1 (tipologo-khronologicheskii analiz materialov) [Kurganny group Shestaki-1 (tipologo-chronological analysis of materials)]. *Nauchno-tekhnikeskii progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniia budushchego: sb. mater. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (10–11 avgusta 2016 goda)* [Scientific and technical progress: actual and perspective directions of the future: collection of materials III of the International scientific and practical conference (on August 10–11, 2016)]. – Kemerovo: ZapSibNTs, 2016. – T. II. – P. 18–20. (In Russ.).
19. Ilyushin, A. M. Kurgannaia gruppa Ozerki-1 (klassifikatsiia i kul'turno-khronologicheskii analiz materialov) [Kurgannaya Ozerki-1 group (classification and cultural and chronological analysis of materials)]. *Nauchno-tekhnikeskii progress: aktual'nye i perspektivnye napravleniia budushchego: sb. mater. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (7 apreliia 2017 goda)* [Scientific and technical progress: actual and perspective directions of the future: sb. mater. V Mezhdunar. nauch. – prakt. konf. (on April 7, 2017)]. – Kemerovo: ZapSibNTs, 2017. – T. I. – P. 17–19. (In Russ.).
20. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G. Kompleks vooruzheniia predmongol'skogo vremeni iz kurgana-kladbishcha Sapogovo-2 [Kompleks arms of the premongolian time from a barrow cemetery of Sapogovo-2]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk old times]. – Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost», 1994. – Vyp. 2. – P. 91–96. (In Russ.).
21. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G. Pogrebenie konnogo luchnika v Kuznetskoi stepi (k voprosu o razvitiu voennogo dela v epokhu srednevekov'ia) [Burial of the horse archer in the Kuznetsk steppe (to a question of development of military science during a Middle Ages era)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai state university]. – 2008. – № 4/2. – P. 60–66. (In Russ.).
22. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G., Borisov, V. A., Kowalewski, S. A., Rogovskikh, V. S., Markova, E. V. Kuznetskaia arkheologo-etnograficheskaiia ekspeditsiia [Kuznetsk arkheologo-ethnographic expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1995 goda* [Archaeological opening of 1995]. – M.: IA RAN, 1996. – P. 329–331. (In Russ.).

23. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G., Kowalewski, S. A. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniiax Kuznetskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii na territorii Leninsk-Kuznetskogo raiona Kemerovskoi oblasti v 1995 godu [The report on security archaeological researches of Kuznetsk complex arkheologo-ethnographic expedition in the territory of the Leninsk-Kuznetsk region of the Kemerovo region in 1995]. – Kemerovo, 1995. – 153 p. (In Russ.).
24. Ilyushin, A. M., Suleymenov, M. G., Kowalewski, S. A. Reestr pamiatnikov arkheologii na territorii Leninsk-Kuznetskogo raiona Kemerovskoi oblasti v 2000 godu i voprosy ikh okhrany i ispol'zovaniia [The register of monuments of archeology in the territory of the Leninsk-Kuznetsk region of the Kemerovo region in 2000 and questions of their protection and use]. – Kemerovo, 2000. – 180 p. (In Russ.).
25. Kuznetsov, V. A. Kurgannyi mogil'nik Shestaki-1 [Kurganny burial ground of Shestaki-1] Kuznetskaia starina. [Kuznetsk old times]. – Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost», 2004. – Vyp. 6. – P. 41–68. (In Russ.).
26. Suleimenov, M. G. Srednevekovyi kompleks vooruzheniia kochevnikov Kuznetskoi kotloviny (po materialam kurgannoi gruppy Solnechnyi-1) [A medieval complex of arms of nomads of Kuznetsk Depression (on materials of kurganny group Solnechnyi-1)]. Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. – Barnaul: Azbuka, 2008. – P. 93–96. (In Russ.).
27. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Vooruzheniye of the Yenisei Kyrgyz of the VI–XII centuries]. – Novosibirsk.: Nauka, 1980. – 176 p. (In Russ.).
28. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Vooruzheniye of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. – Novosibirsk.: Nauka, 1986. – 268 p. (In Russ.).
29. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu razvitogo srednevekov'ia [Vooruzheniye of Central Asian nomads during an era of the developed Middle Ages]. – Novosibirsk.: Nauka, 1991. – 190 p. (In Russ.).
30. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia [Vooruzheniye of nomads of Southern Siberia and Central Asia during an era of the developed Middle Ages]. – Novosibirsk, 1997. – 160 p. (In Russ.).

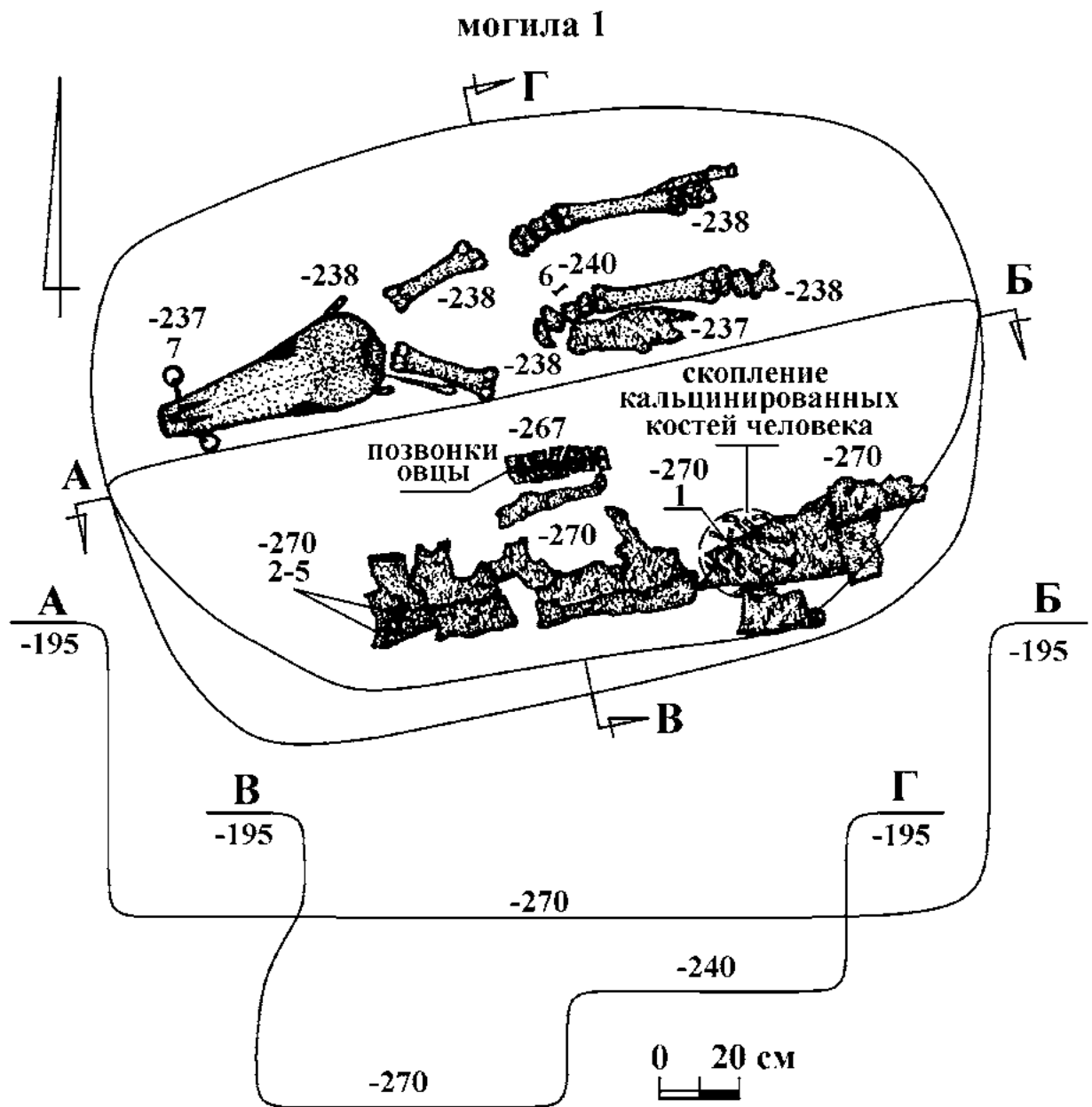

Рис. 1. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1.
План и разрезы могилы 1.

Находки:

1 – пряжка, 2–5 – наконечники стрел, 6 – крепление седла,
7 – удила; 1 – бронза, 2, 7 – железо, 3–6 – железо и дерево.

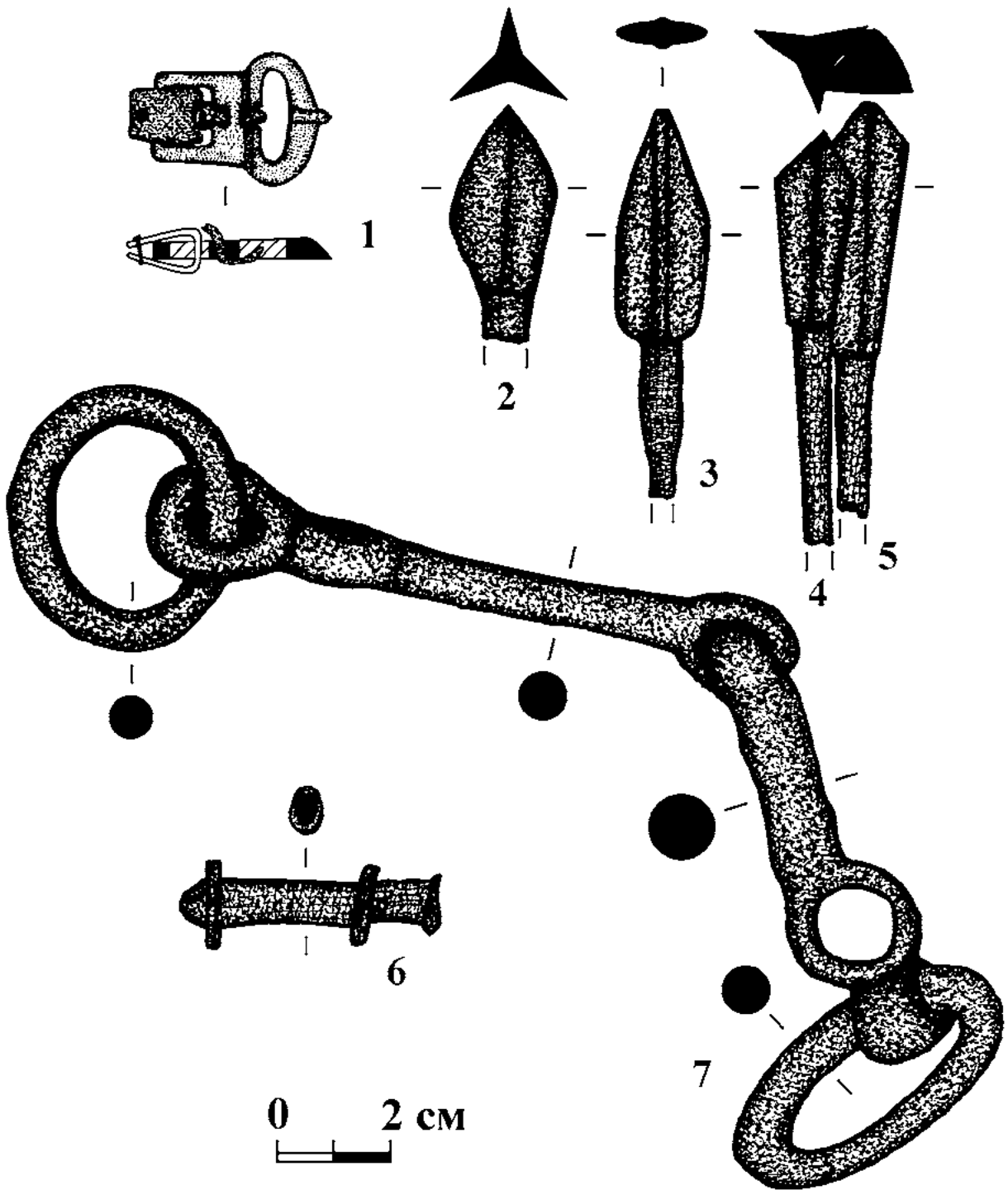

Рис. 2. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Находки из могилы 1:
 1 – пряжка, 2–5 – наконечники стрел, 6 – крепление седла, 7 – удила;
 1 – бронза, железо и кожа, 2, 7 – железо, 3–6 – железо и дерево.

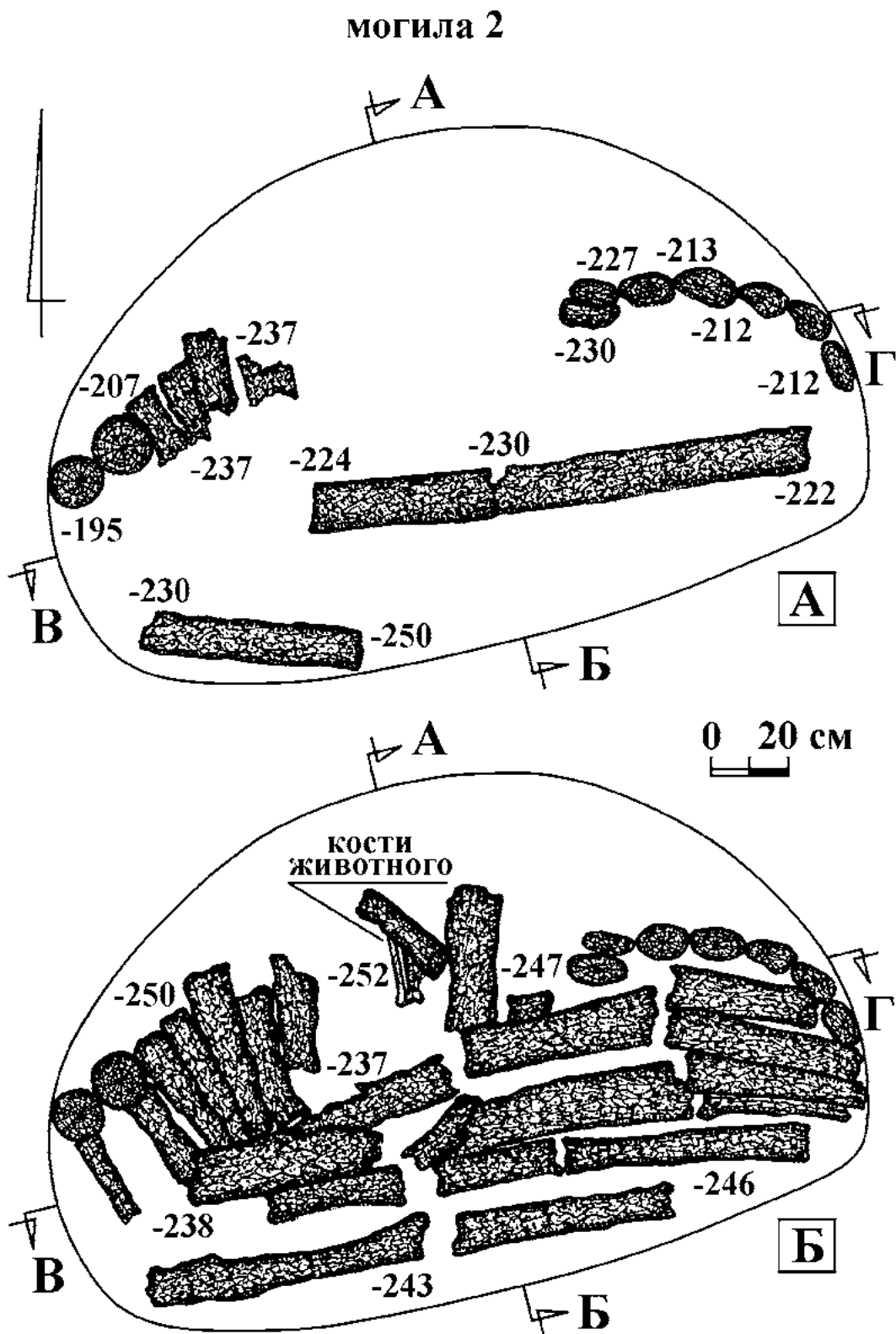

Рис. 3. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Планы могилы 2:

А – план грунтовой ямы и деревянной конструкции после 2 штыков зачистки;

Б – план грунтовой ямы и деревянной конструкции после 3 штыков зачистки.

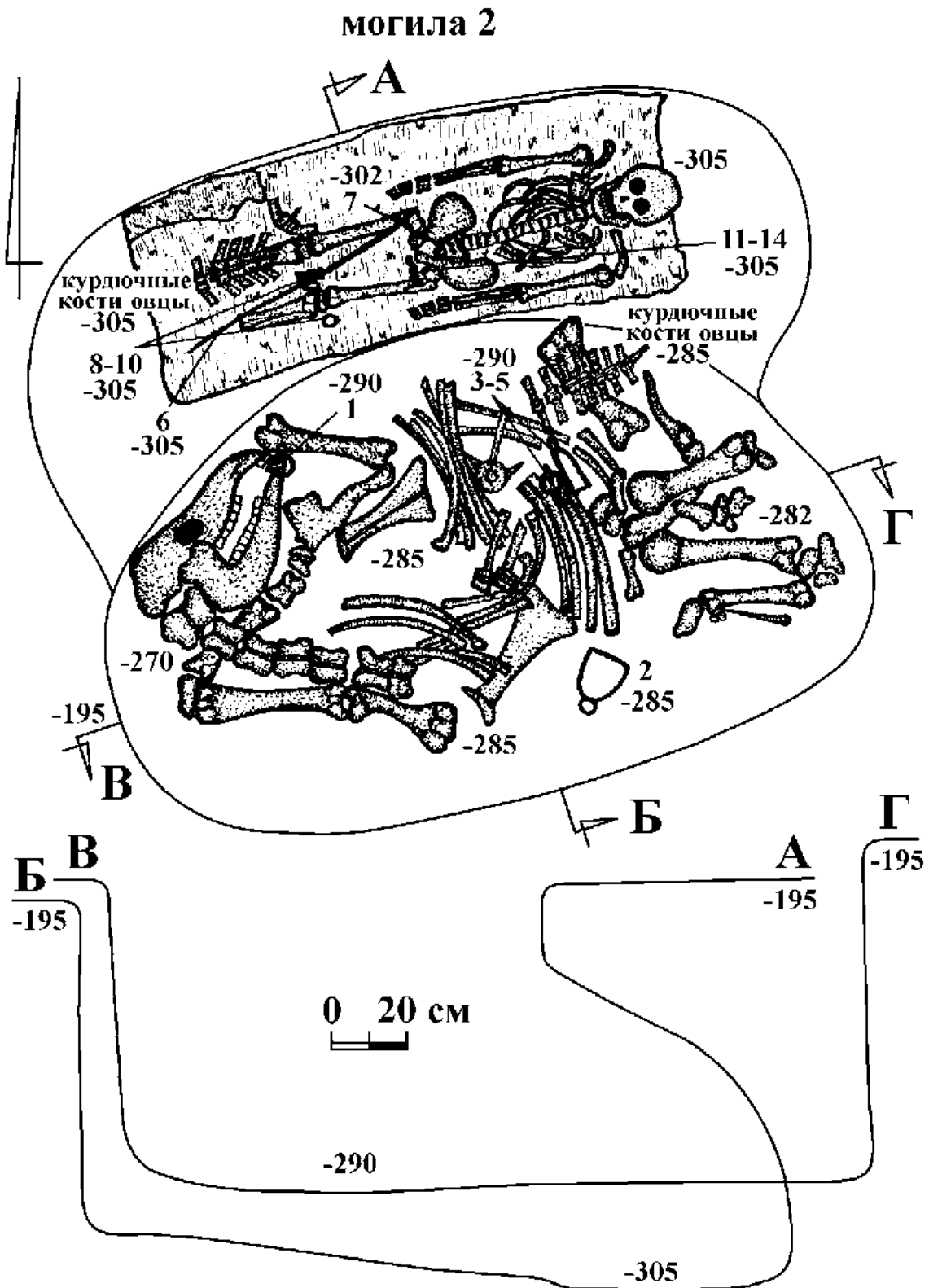

Рис. 4. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1.
Планы и разрезы могилы 2.

Находки:

1 – удила, 2, 3 – стремена, 5 – ременная накладка, 6 – сабля,
7 – перекрестье, 8 – кольцо, 9 – тесло, 10–12 – фрагменты
крепления, 13 – нож, 14 – пряжка.

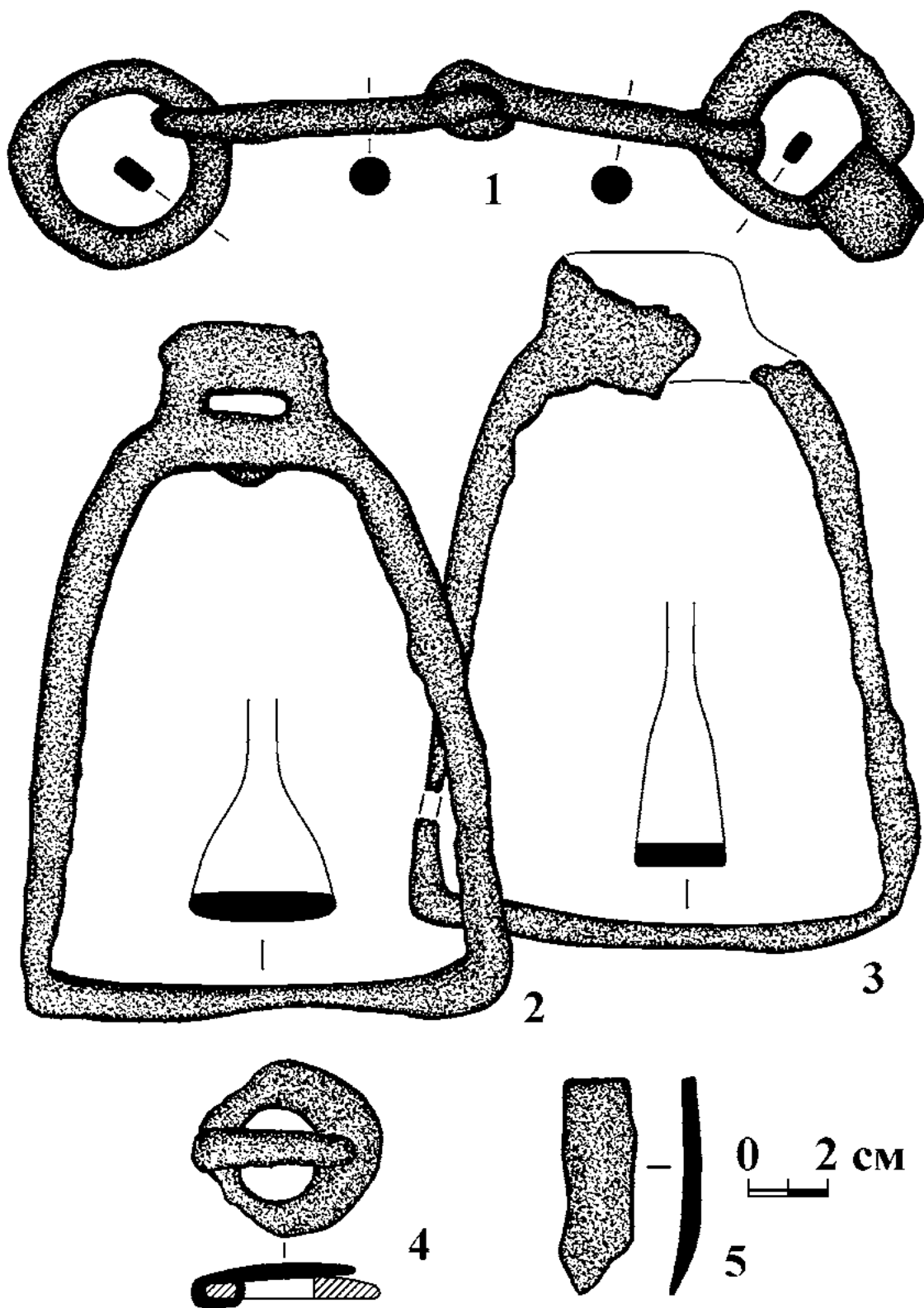

Рис. 5. Курганная группа Солнечный-1. курган № 1. Находки из могилы 2:

1 – удила с кольчатыми псалями, 2, 3 – стремена, 4 – пряжка,

5 – ременная накладка; 1–5 – железо.

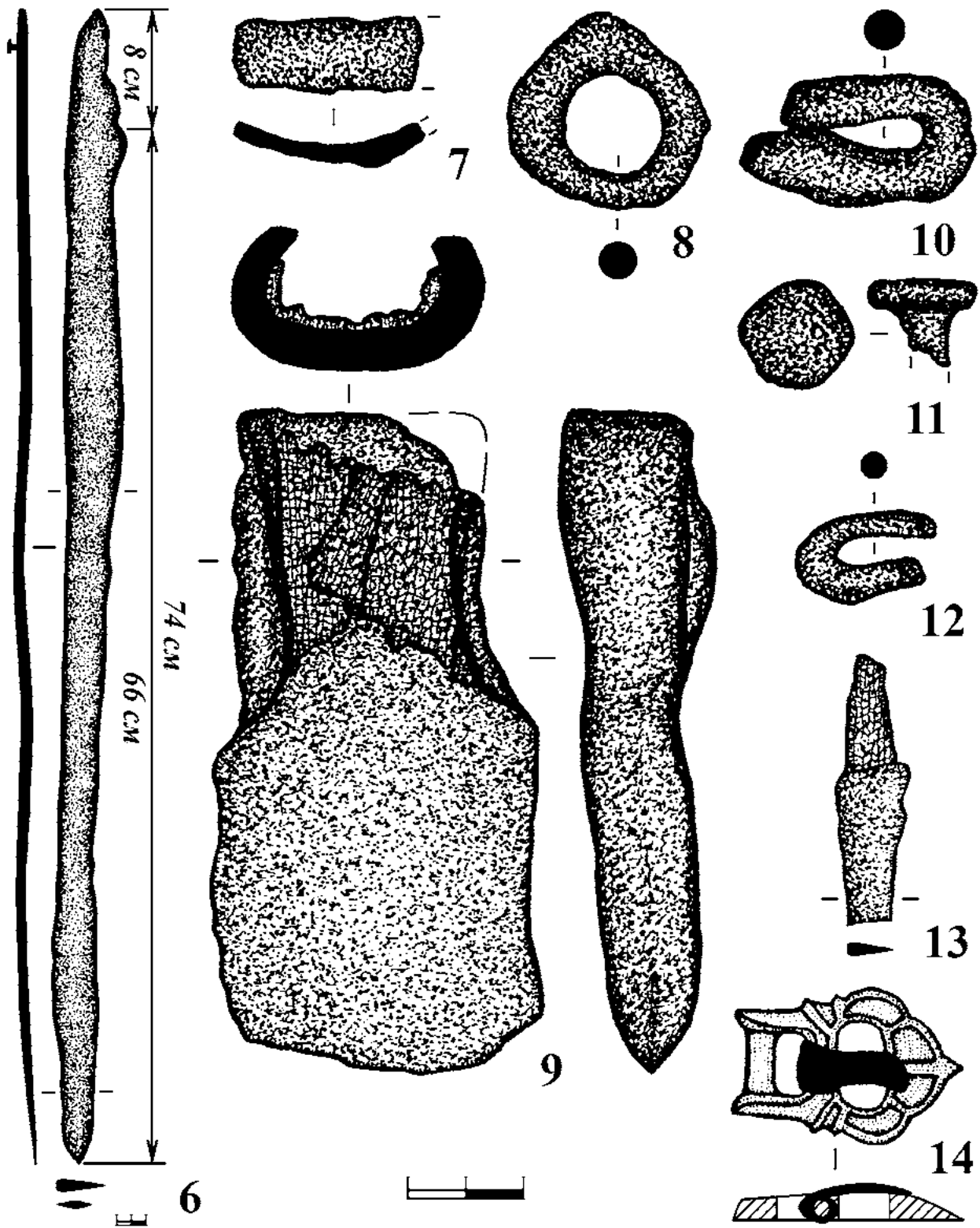

Рис. 6. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Находки из могилы 2:

6 – сабля, 7 – фрагмент перекрестья, 8 – кольцо, 9 – тесло, 10–12 – фрагменты крепления сабли, 13 – нож, 14 – пряжка; 6–8, 10–12 – железо, 9, 13 – железо и дерево, 14 – бронза и железо.

УДК 902/904

ДРЕВНИЕ РИСУНКИ В ГРОТЕ НА ГОРЕ КАЙЫНДУБУТ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Миклашевич Елена Александровна*,

ведущий научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»,
научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН
(Кемерово, Российская Федерация). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Ойношев Василий Петрович,

директор, Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
(Горно-Алтайск, Российская Федерация). E-mail: akinoffis@mail.ru

Бове Леонид Леонидович,

(Кемерово, Российская Федерация). E-mail: L_bove@mail.ru

В статье представлены результаты предварительного изучения недавно открытого на Алтае памятника наскального искусства. Рисунки выполнены краской (что само по себе большая редкость для этого региона) на потолке грота (изображения в пещерах и гротах до сих пор не были известны на Алтае). Документирование, выполненное с помощью фотосъёмки и последующей цифровой обработки фотоматериала, показало наличие трёх определяемых изображений – две фигуры лошадей и зигзагообразная линия, выполненных разными красками в два этапа, и остатков других изображений с неопределяемыми контурами, скрытых под кальцитовым натёком. Кроме того, выявлены многочисленные сильно патинизированные гравированные линии. Датировка изображений пока не ясна.

Ключевые слова: наскальное искусство, выполненные краской рисунки, пигмент, пигментная карта, документирование, Алтай, Верх-Мута, Кайындубут.

ANCIENT PAINTINGS IN THE GROTTA AT THE KAIYINDUBUT HILL (THE MOUNTAINOUS ALTAI)

Miklashevich Elena Alexandrovna,

Leading researcher, «Tomskaya Pisanitsa» Museum-Reserve,
Research associate, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Oinoshev Vasily Petrovich,

Director, The Agency for the Cultural and Historical Heritage of the Altai Republic (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: akinoffis@mail.ru

Bove Leonid Leonidovich,

(Kemerovo, Russian Federation). E-mail: L_bove@mail.ru

The paper presents some results of the preliminary investigation of a new rock art site which was recently discovered in the Altai mountains. The images are painted (which in itself is a rarity for this region) on the ceiling of a small cave (decorated caves and grottoes have not been hitherto known in the Altai). The documenting which was conducted through photography and subsequent digital processing of the photographic materials, has revealed the presence of three definite images – two horse figures and a zigzag – rendered with different pigments in two episodes, as well as the traces of other images with indefinite contours, obscured by the calcite film. In addition, numerous well patinated engraved lines have been revealed at the ceiling. Dating of the imagery in the Kaiyindubut grotto is not yet clear.

Keywords: rock art, paintings, pigments, pigment map, documenting of rock art, the Altai, Verkh-Muta, Kaiyindubut.

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ

В наскальном искусстве Алтая выполненные краской рисунки встречаются чрезвычайно редко, а изображения в пещерах и гротах вообще неизвестны. Поэтому, когда в Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай поступило от жителя с. Верх-Мута Мергена Садыкова сообщение о том, что он видел нарисованные красной краской рисунки в пещере, сотрудники Агентства немедленно выехали на место проверить эти сведения. Первое обследование памятника было проведено одним из авторов данной статьи в сентябре 2016 г. Информация подтвердилась: на потолке небольшой пещеры в горах у села Верх-Мута были действительно нарисованы краской две фигуры животных. От головы одного из них отходила извилистая линия, что позволило сделать предположение, что это изображение вымершей винторогой антилопы, и, соответственно, рисунки могут относиться к каменному веку [5]. В октябре 2017 г. мы совместно осуществили более подробное обследование этого объекта и начали его документирование.

Памятник находится в северо-западной части Горного Алтая, в 1,5 км к северу от с. Верх-Мута Усть-Канского района Республики Алтай, на левом берегу р. Мута, левого притока р. Ануй (рис. 1). Это небольшая полость в известняковых скалах, расположенная высоко на склоне горы Кайындубут (алт. – *холм с березками*) в урочище, известном у местного населения как Дялбаш-Кобы (алт. – *лог с вершиной, похожей на гребень*). Входом грот обращен на ЮЮЗ, ширина входа около 5 м, высота – 2,5 м (цв. вкл. рис. 1: 1, 2). Во второй половине дня полость довольно хорошо освещена. Глубина её от 6 до 10 м, высота потолка в средней части 1,9–2 м, с понижением около стен. Пол покрыт рыхловатыми отложениями, с включениями обломков камня, а также угольков, и другими следами посещений. О посещениях грота свидетельствуют также копать и свежие граффити. По словам местных жителей, на восточной стенке, близко к полу, ранее находились также изображения «человечков», которые сравнительно недавно кем-то были разрушены. В одной из расщелин на северной стенке мы обнаружили выход природного пигмента красных оттенков (охра?) (цв. вкл. рис. 1: 3), вероятно, использовавшегося для нанесения рисунков, так как по цвету они совпадают. Образец пигмента взят на анализ.

Рисунки выполнены на потолке, в средней его части, фигуры животных ориентированы на север. Достоверно определяются лишь три изображения (рис. 2; цв. вкл. рис. 1: 4). Фигуры 1 и 2 – это контурные зооморфные изображения. Размеры их небольшие: 17 см от кончика морды до кончика хвоста у левого животного, 20 см – у правого. Изображения выполнены линиями шириной ок. 1 см; туловища прямоугольной формы; ноги прямо опущены вниз; шеи длинные, изогнутые,

сужающиеся к голове; головы маленькие, у правой фигуры моделирована характерная лошадиная морда; хвосты длинные, прямые, отставлены под углом назад. Над правым животным изображена фигура 3 в виде линии, прямой в левой части и зигзагообразной на всём остальном протяжении. Установлено, что имеется разрыв между этой линией и головой животного, поэтому версия о том, что это изображение винторогой антилопы, не подтвердилась. Судя по длинным хвостам, конфигурации шеи и головы и общему экстерьеру, здесь изображены две лошади, а зигзагообразная линия, возможно, змея. Состояние поверхности и рисунков таково, что визуально очень трудно определить точные контуры линий: скальная поверхность неровная, повреждена в результате отслоения поверхностного коркового слоя, покрыта кальцитовыми натёками и иными наслоениями, кроме того, рисунки частично повреждены современными процарапанными надписями. Левая фигура лошади более, чем правая, скрыта кальцитовым натёком, поэтому её контуры ещё менее определены.

Все рисунки первоначально были нанесены краской, имеющей в настоящее время бордовый оттенок. Лучше всего она видна на линии спины и хвоста левой фигуры лошади и в правой части зигзагообразной линии. После этого рисунки были подновлены более светлой краской, имеющей розовато-оранжевый оттенок, такой же, как взятый на анализы образец из выхода пигмента на северной стенке. Не исключено, что это подновление было сделано просто кусочком сухого пигмента по существующим линиям. Лучше всего эта краска видна на изображении второй фигуры лошади и в левой части зигзага, однако фрагменты её прослеживаются и на линиях первой фигуры лошади (цв. вкл. рис. 2). Как было выполнено нанесение краски бордового оттенка («сухим» или «мокрым» способом), пока установить не удалось. Судя по полному покрытию краской всей площади линий на некоторых видимых фрагментах, это была жидкая краска на каком-то связующем. Однако справа от зигзага обнаружены тонкие прерывистые вертикальные линии того же бордового цвета (рис. 2); характер линий предполагает их нанесение кусочком сухого пигмента. Возможно, конечно, что они были нанесены в совершенно другую эпоху.

Для документирования выполненных краской изображений была осуществлена фотосъёмка в условиях естественного освещения, а также с искусственным освещением (фонарь и фотовспышка). В лабораторных условиях произведена обработка полученного фотоматериала: монтаж панорамной съёмки, повышение контраста и усиление насыщенности красного цвета, создание пигментных карт по методу А. К. Солодейникова [4]. Мы не делали ни прорисовку изображений традиционным

методом контактного копирования, ни графическое их воспроизведение по фотографиям, поскольку адекватно отобразить выполненные краской рисунки, не имеющие чёткого контура, таким образом невозможно. Более эффективным способом выявления и более объективным способом представления подобных рисунков представляется «пигментная карта», как А. К. Солодейников предложил называть результат разработанного им метода цифровой фильтрации – компьютерной обработки фотографий с целью выявления распределения красного пигмента на скальной поверхности. Алгоритм обработки фотографий выполненных красной краской наскальных изображений по этому методу, а также особенности, преимущества и возможности пигментных карт подробно рассмотрены в специальной работе [2]. Результаты документирования рисунков из грота на горе Кайындубут представлены в данной статье в виде пигментных карт (рис. 2, 3) наряду с исходными (цв. вкл. рис. 1: 4) и обработанными (цв. вкл. рис. 2) цветными фотографиями.

Кроме описанных изображений, во многих местах на потолке есть плохо определимые следы краски: линии (волнистые, зигзагообразные, прямые), точки, пятна. Эти участки также были сфотографированы, а фотографии обработаны в программе Adobe Photoshop, однако никаких определённых контуров фигур выявить не удалось. Определение затруднено тем, что эти следы покрыты кальцитовыми натёками, и кроме того, в некоторых местах имеются ещё красноватые пятна естественного ожелезнения. Различить их и остатки искусственно нанесенных изображений чаще всего бывает невозможно, если только не выявляются контуры каких-то определённых узнаваемых фигур. Пока таких фигур мы не выявили, однако есть уверенность, что часть красных пятен под кальцитом – всё-таки изображения. Так, например, за головой первой лошади прослеживаются остатки неких линий, возможно, изображение, аналогичное зигзагообразной линии за головой второй лошади.

Кроме красочных изображений, на потолке грота выявлены и гравировки. Их идентификация ещё более была затруднена в связи с вышеописанным состоянием поверхности. При непосредственном осмотре в гроте никаких вмятых фигуративных изображений, выполненных гравировкой, распознать не удалось. Однако при компьютерной обработке полученных фотографий на сильном увеличении стало ясно, что гравированные линии не случайны, не бессистемны, и что их много. Планируется предпринять фотодокументирование со специальным оборудованием для наилучшего выявления гравировок.

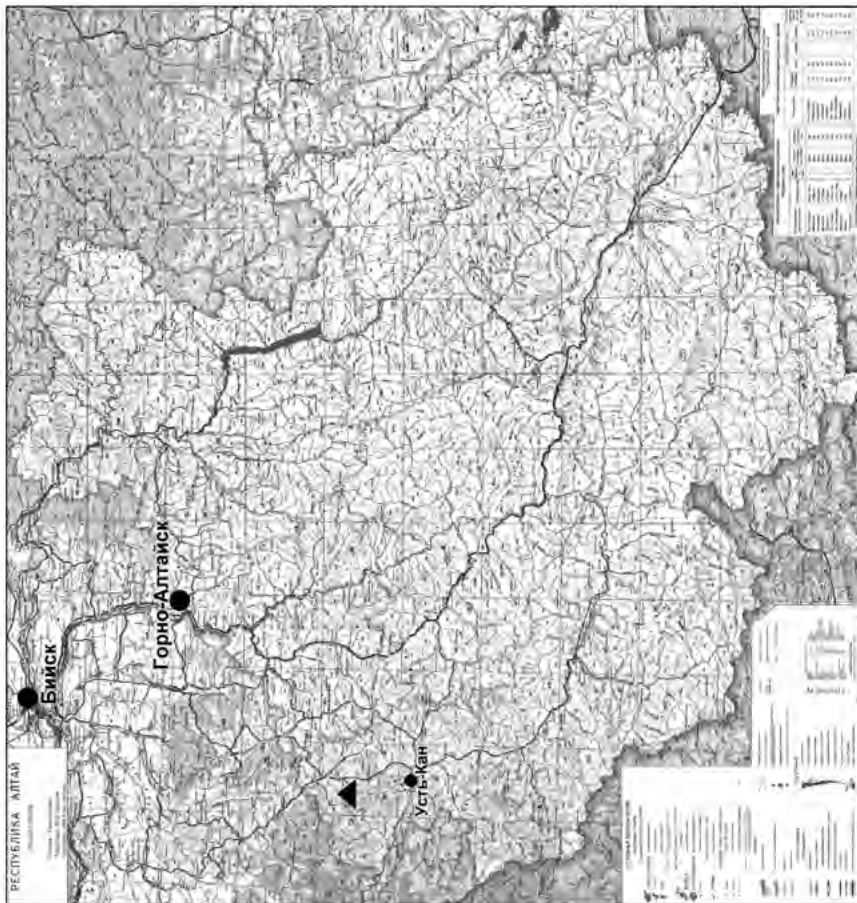
В заключение этой небольшой статьи, представляющей предварительные результаты исследования рисунков грота на горе Кайындубут, нужно сказать несколько слов об их датировке. Разумеется, прозвучавшие в первых сообщениях об открытии в средствах массовой информации соблазнительные предположения о том, что это рисунки художников каменного века, остаются ничем не подтверждёнными предположениями. Фактически, пока нет никаких данных вообще для хотя бы приблизительного датирования этих изображений. Это всего два фигуративных изображения, и они не настолько выразительны, чтобы можно было уверенно сравнивать с какими-то другими произведениями древнего искусства по стилю. К тому же в этом районе фактически неизвестны другие памятники наскального искусства, за исключением Усть-Канской писаницы, содержащей гравированную сцену древнетюркского времени [3] и кратких упоминаний о других местонахождениях [1, с. 61, 62] без публикации материалов. Однако рисунки в гроте на горе Кайындубут определённо древние: краска, которой они нанесены, минерализована, в некоторых местах даже видимые изображения перекрыты существенным слоем кальцитового натёка, а другие предположительно им полностью закрыты; гравированные линии сильно патинизированы. Насколько древними они являются, будем надеяться, позволят установить дальнейшие комплексные исследования этого уникального памятника.

Литература:

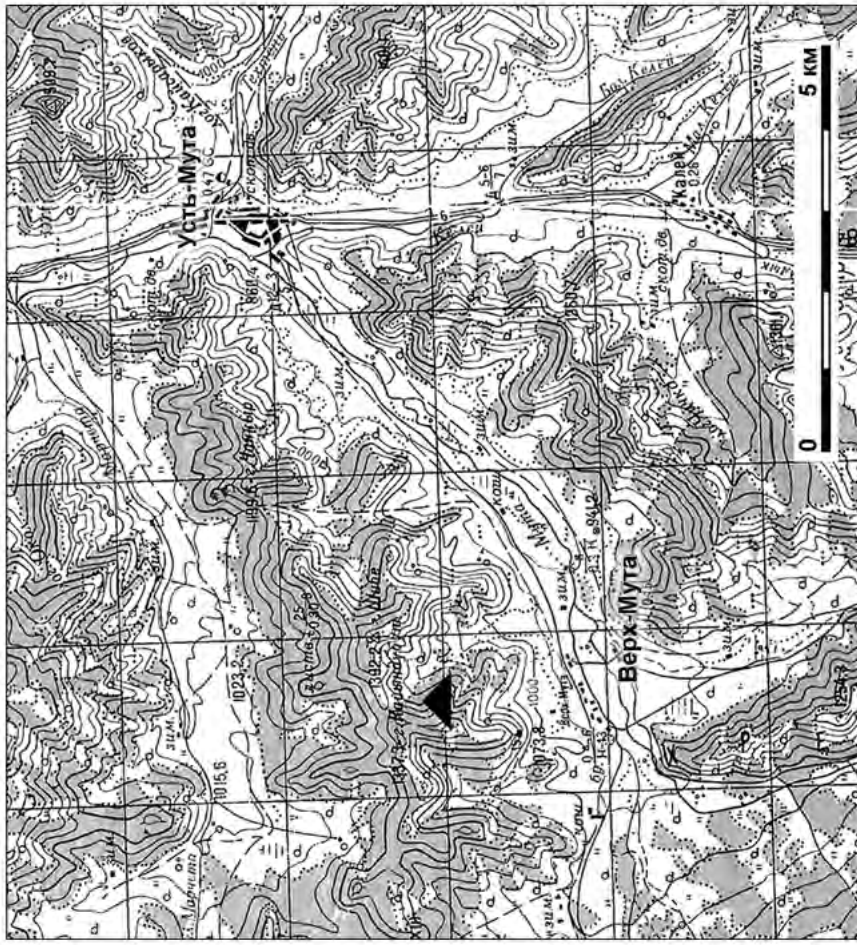
1. Кубарев В. Д., Маточкин, Е. П. Петроглифы Алтая. / В. Д. Кубарев, Е. П. Маточкин. – Новосибирск, 1992. – 124 с.
2. Миклашевич, Е. А., Солодейников, А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) / Е. А. Миклашевич, А. К. Солодейников // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1 (5). – С. 176–191.
3. Молодин, В. И. Усть-Канская писаница / В. И. Молодин // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск, 1992. – С. 91–93.
4. Солодейников, А. К. К вопросу о методах и методологии изучения наскальной живописи / А. К. Солодейников // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций. – 2005. – № 2. – С. 94–107.
5. Удивительные рисунки Пикассо каменного века. [Электронный ресурс]. <http://akin04.ru/?p=671> Дата обращения: 25.10.2017.

References:

1. Kubarev, V. D., Matochkin, E. P. Petroglify Altaya [Petroglyphs of the Altai]. Novosibirsk, 1992. –124 p. (In Rus.).
2. Miklashevich, E. A., Solodeynikov, A. K. New possibilities for documenting painted rock art images (by the example of Kavkazskaya rock art site in the Minusinsk Basin) // Sayan-Altai Scientific Review. 2013. №1 (5). – P. 176–191. (In Rus.).
3. Molodin, V. I. Ust' – Kanskaya pisanitsa [Ust' – Kanskaya rock art site]. Pervobytnoe iskusstvo. Naskal'nye risunki Evrazii [Prehistoric Art. Rock art images of Euarasia]. – Novosibirsk, 1992. – P. 91–93. (In Rus.).
4. Solodeynikov, A. K. K voprosu o metodah i metodologii izucheniya naskal'noj zhivopisi [On the question of the methods of studying rock paintings]. Vestnik Gumanitarnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta telekommunikacij [Bulletin of the Humanitarian Faculty of Sankt-Petersburg State University for telecommunications]. №2. 2005. – P. 94–107. (In Rus.).
5. Udivitel'nye risunki Picasso kamennogo veka [Amazing drawings of Picasso from the Stone Age]. <http://akin04.ru/?p=671>

1

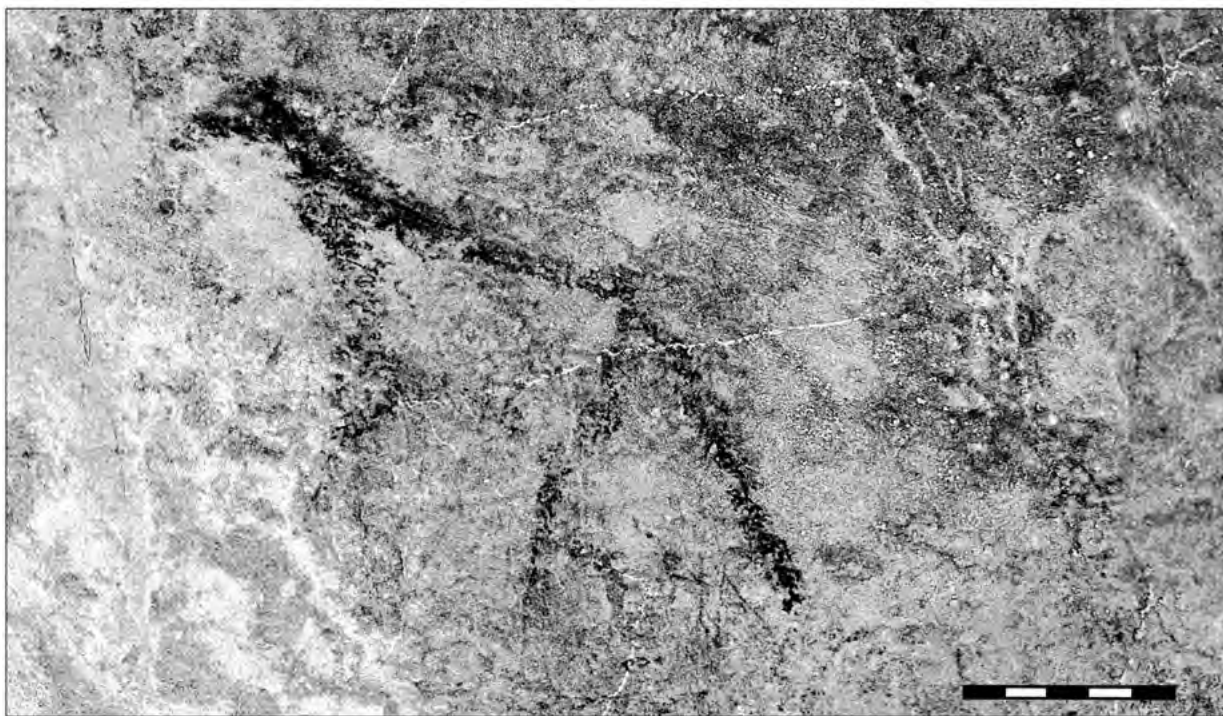
2

Рис. 1. Местонахождение грота на горе Кайындубут (обозначено треугольником):

1 – на карте Республики Алтай; 2 – на карте местности в районе сёл Верх-Мута и Усть-Мута.

Рис. 2. Нарисованные краской изображения на потолке грота.
Пигментная карта, выполненная по фотомонтажу композиции.

Рис. 3. Увеличенные фрагменты композиции. Пигментная карта.

УДК 902/904

О ВЫСТАВКЕ «НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЮЖНОЙ СИБИРИ» И РАБОТАХ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ФАКСИМИЛЬНЫХ КОПИЙ ПЕТРОГЛИФОВ АЛТАЯ

Миклашевич Елена Александровна,

ведущий научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»,
научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Кемерово, Российская
Федерация). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

В статье представлена информация о подготовке и проведении выставки «Наскальное искусство Южной Сибири», организованной Алтайским государственным университетом, музеем-заповедником «Томская Писаница» и Сибирской Ассоциацией исследователей первобытного искусства. Открытие выставки, а также Археологического сада камней в Барнауле было приурочено к началу работы V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Среди экспонатов наибольший интерес вызвали факсимильные копии наскальных рисунков, часть из которых (по Притомью и Хакасии) была предоставлена музеем-заповедником «Томская Писаница», а другие выполнены по заказу Алтайского государственного университета на памятниках Горного Алтая. Описываются особенности изготовления и экспонирования факсимильных копий, приводятся в виде иллюстраций результаты проведенных работ.

Ключевые слова: экспонирование наскального искусства, факсимильные копии, петроглифы, Алтай.

ON THE EXHIBITION «ROCK ART OF SOUTH SIBERIA» AND FACSIMILE COPIES OF THE ALTAI PETROGLYPHS

Miklashevich Elena Alexandrovna,

Leading researcher, «Tomskaya Pisanitsa» Museum-Reserve,
Research associate, Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

The paper presents some information on the exhibition «Rock art of South Siberia», which was recently organized by the Altai State University, the Museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa» and the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. The opening of the exhibition, as well as of the so-called Archaeological rock garden in Barnaul, was timed to the V (XXI) Russian Archaeological Congress. Among the exhibits of both the exhibition and the rock garden, of great interest were the facsimile copies of petroglyphs. Some of them have been provided by the Museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa» while the others have specially been ordered for the Altai State University and manufactured by the author at rock art sites of the Altai. The peculiarities of making and displaying these facsimile copies are being discussed, and some results of this work are presented in the illustrations.

Keywords: displaying rock art, facsimile copies, petroglyphs, the Altai.

В начале октября 2017 г. в городах Алтайского края Барнауле и Белокурихе проходил V (XXI) Всероссийский археологический съезд, посвященный 180-летию со дня рождения В. В. Радлова, собравший более 500 участников из 60 субъектов Российской Федерации и представителей многих других стран. В связи с этим важным событием было организовано несколько выставок, в том числе «Наскальное искусство Южной Сибири». Выставка была инициирована А. А. Тишкиным, заведующим кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, заместителем председателя оргкомитета съезда.

Экспонаты на выставку предоставили Музей-заповедник «Томская Писаница» и Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства, кроме того, были специально заказаны материалы по наскальному искусству Алтая, которые после выставки поступили в фонды Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Проведение выставки была также приурочено к 20-летию деятельности Межрегиональной общественной организации Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства. Основанная на базе кафедры археологии Кемеровского

государственного университета осенью 1997 г. под руководством Я. А. Шера и при поддержке ряда сибирских исследователей древнего искусства, САИПИ сейчас объединяет в своих рядах более 150 членов – профессионалов и любителей первобытного искусства из разных городов России и многих стран. Основная цель Ассоциации: всемерное содействие изучению, сохранению и популяризации древнего искусства. Среди разнообразных направлений деятельности САИПИ важное место занимает организация научно-просветительных выставок. Во многих городах России с успехом экспонировались выставки «Древнее искусство на скалах», «Наскальное искусство Сибири», «Видения древности», «Торевтика крупным планом», «С древностью лицом к лицу», «Писаницы Енисейской губернии» и другие. Некоторые выставки осуществляются совместно с другими организациями. Наиболее плодотворное партнёрство сложилось у САИПИ с Музеем-заповедником «Томская Писаница» и Алтайским государственным университетом. Очередной проект, объединивший все три организации, – выставка «Наскальное искусство Южной Сибири», торжественно открывшаяся в Барнауле 1 октября 2017 г. в галерее Universum Алтайского государственного университета (рис. 1).

Основной идеей кураторов выставки (А. А. Тишкин и Е. А. Миклашевич) было представить коллегам – археологам России – такой интереснейший археологический источник, как наскальное искусство, и такой регион, как Южная Сибирь, где памятники этого рода играют особо значимую роль в археологических исследованиях. Выставка должна была также быть интересна и широкой публике. Экспонаты подбирались таким образом, чтобы они: 1) представляли все ареалы памятников наскального искусства региона – Хакасско-Минусинская котловина, Горный Алтай, Тува, Притомье; 2) отражали разные культурно-хронологические этапы; 3) показывали разнообразие стилей, сюжетов и образов наскального искусства; 4) представляли все способы нанесения изображений на камень; 5) были интересны с эстетической точки зрения, как произведения древнего искусства. Экспозиция была выстроена в хронологическом порядке – от самых древних изображений (предположительно эпохи камня) до рисунков нового времени. Чтобы наилучшим образом передать красоту творений наших предков и в то же время дать наиболее адекватное представление об особенностях этого вида памятников (в отличие от других археологических артефактов, подлинные наскальные изображения, за небольшими исключениями, не увидишь в музее; они находятся далеко и высоко в горах), на выставке экспонировались фотографии, тонированные микалентные копии-натирки и объёмные факсимильные копии петроглифов (рис. 2).

Последняя категория экспонатов, разумеется, привлекает наибольшее внимание, как обычных посетителей, так и специалистов, поскольку является точной копией оригинала, передавая все нюансы рельефа и цветовую гамму копируемой плоскости с изображениями. Хорошо выполненная факсимильная копия визуально неотличима от оригинала, часто бывает так, что посетители даже не верят, что это не отколотые на памятнике и привезённые в музей плиты. Единственное, что не удаётся передать в экспозиции, это то, что поверхность с изображениями представляет собой лишь часть скалы, горы, окружающего ландшафта в целом. Скопированные поверхности выглядят действительно как отделённые от основания плиты. Природный контекст, как известно, составляющий неотъемлемую часть памятника наскального искусства (рис. 3, 4), в этом случае утрачивается для зрителей. Но таковы условности музейной экспозиции: все музейные предметы демонстрируются в музее извлечёнными из среды бытования. В остальном, факсимильные копии, несомненно, самый информативный, аттрактивный и экспрессивный способ показа петроглифов вне памятника. Трудоёмкость и дороговизна этого способа, а также известные ограничения в выборе объектов копирования не позволяют изготавливать факсимильные копии наскальных изображений в большом количестве, но тем больше возрастает музейная ценность единичных экспонатов.

Технология создания факсимильных копий петроглифов путём снятия гибкой матрицы-оттиска с оригинала и последующей отливки в ней твёрдой позитивной копии известна очень давно. Но применяемые для этого материалы постоянно изменяются, совершенствуются, растёт их ассортимент, улучшаются свойства, повышается точность передачи деталей и удобство в работе и т.д. Материалы эти весьма разнообразны по качеству и очень недёшевы. Несколько лет назад дирекция музея-заповедника «Томская Писаница» приняла решение о необходимости подготовки специалистов, владеющих технологией создания факсимильных копий наскальных рисунков, и начала регулярно выделять средства на покупку материалов для тестирования. Это дало нам (мне и нескольким коллегам) возможность познакомиться с разнообразными современными оттискными и литьевыми материалами, с тонкостями изготовления матриц и отливок, тонировки полученных копий и т.д. В результате сформировалась небольшая пока коллекция факсимильных копий петроглифов Притомья (памятники Томская писаница и Висячий Камень). Они экспонировались на нескольких выставках в г. Кемерово, неизменно привлекая внимание публики. В 2016 г. поступил заказ от Государственного природного заповедника «Хакасский» на изготовление копий петроглифов на скалах горного массива Оглахты

в Хакасии. Мы выполнили 11 отливок, они с большим успехом экспонировались на выставках в гг. Абакан и Кемерово, а мы приобрели бесценный опыт, работая с памятниками другого региона и тестируя новые материалы. В 2017 г., благодаря инициативе А. А. Тишкина, нам представилась возможность продолжить эту практику, поработать на памятниках Алтая и освоить ещё несколько новых материалов.

Факсимильное копирование производилось нами и Л. Л. Бове на памятниках наскального искусства Кош-Агачского района Республики Алтай: в комплексе памятников на р. Чаган (3 плоскости эпохи бронзы) и на горе Жалгыс-Тобе (3 плоскости скифского времени (рис. 3; цв. вкл. 1). Для получения матриц-оттисков использовались силиконы серии Mold Max фирмы Smooth-On, США и Super Mold фирмы Lianhuan Group Ltd., Китай. Для предохранения поверхности камня от силиконовых масел наносился тонкий защитный слой раствора метилцеллюлозы, который после изготовления копии полностью смывается водой. При работе на памятниках Алтая мы столкнулись с тем, что, казалось бы отработанную в Притомье и Хакасии технологию пришлось несколько изменить. Во-первых, в условиях высокогорья силикон затвердевал в несколько раз дольше, что сильно удлинило процесс, так как силикон наносится в несколько слоев, и увеличило расход материала. Во вторых, особенности скального субстрата таковы, что плоскости в основном горизонтальные либо наклонные. Это должно было бы в принципе облегчить процесс нанесения материала, однако скалы рассечены трещинами, которые, соответственно, идут вглубь по вертикали, и чтобы предотвратить затекание силикона в эти трещины, их приходилось заделывать, а после изготовления копии – расчищать. Для изготовления кожухов (твёрдая оболочка, которая наносится поверх силиконовой матрицы, чтобы затем поддерживать её форму при отливке) мы впервые применили очень технологичный материал Plasti-paste фирмы Smooth-On, США. На следующем этапе производилась отливка копий в полученных матрицах. Для этого использовались разнообразные литевые пластики (NatiCast, Smooth-Cast и PolyCast, итальянского, американского и китайского производства) и акриловые материалы (Ecoresin и Plasticrit итальянского производства). Пластики применялись для копий большого размера, акриловые материалы (имеющие больший удельный вес) – меньшего. На последнем этапе отливки приводились в экспозиционный вид посредством доработки, устранения дефектов литья, художественной тонировки акриловыми красками.

Полученные копии впервые были продемонстрированы на выставке «Наскальное искусство Южной Сибири», а затем поступили в фонды Музея археологии и этнографии Алтая Алтай-

ского государственного университета (директор Я. В. Фролов). Также для выставки и музея мы подготовили 15 крупноформатных фотографий наскальных рисунков с разных памятников Алтая.

Помимо этой довольно непростой задачи, пришлось решать и ещё более сложную. По инициативе ректора Алтайского государственного университета проф. С. В. Землюкова родилась идея создать в сквере около университетского музея и галереи Universum «Археологический сад камней», в котором тоже должны были быть представлены факсимильные копии камней с наскальными рисунками Алтая. В отличие от выставочных экземпляров, эти необходимо было изготовить из атмосфероустойчивых материалов и полностью объёмными. Такие копии нам делать ещё не доводилось. За отведённый для выполнения этого трудного, но интересного задания короткий срок, не удалось подыскать подходящих (по выразительности рисунков и по размерам) отдельно стоящих камней, с которых можно было бы сделать по-настоящему объёмные (с круговым обзором) копии. Поэтому было принято решение выбрать композиции на обычных скальных выходах, интересные и выразительные, с изображениями достаточно крупными для экспонирования под открытым небом, и сделать копии таким образом, чтобы они выглядели не тонкими плитами, а массивными каменными блоками. Матрицы были изготовлены с трёх объектов, также расположенных в Кош-Агачском районе Республики Алтай: одна большая композиция на горе Курмантау с крупными контурными изображениями быков и оленей, относящимися к древнейшим изображениям Алтая (цв. вкл. 2: 1–3) и две рядом расположенные композиции эпохи бронзы с изображениями оленей, лошадей, собак, лучников из комплекса памятников на р. Чаган (рис. 4: 1, 2; цв. вкл. 2: 4). Отливки выполнялись из материала пластикрит, устойчивого к влажности и низким температурам, тонировались атмосфероустойчивыми акриловыми красками. Археологический сад камней (цв. вкл. 2: 5) был спланирован и выполнен ландшафтным дизайнером; факсимильные копии наскальных рисунков органично сочетаются в нём с глыбами натурального камня и кустами высокогорного алтайского можжевельника. Торжественное открытие этой экспозиции также состоялось 1 октября 2017 г., и первыми её увидели участники Всероссийского археологического съезда. Хочется надеяться, что этот оригинальный проект будет иметь продолжение, и Археологический сад камней в Барнауле пополнится новыми копиями произведений древнего искусства.

Автор выражает свою признательность и благодарность Л. Л. Бове за неоценимую помощь в проведении всех работ по изготовлению копий и оформлению выставки, А. А. Тишкину за постоянную организационную и моральную

поддержку, В. П. Ойношеву и Д. В. Черемисину за действенную помощь в организации работы на памятниках Кош-Агачского района, В. А. Ка-

плунову и А. Ф. Покровской за их инициативы в деле факсимильного копирования объектов наскального искусства.

Рис. 1. Выставка «Наскальное искусство Южной Сибири»: 1 – буклет; 2 – торжественное открытие (слева направо: куратор выставки проф. А. А. Тишкин, директор ИА РАН акад. Н. А. Макаров, научный руководитель ИАЭТ СО РАН акад. А. П. Деревянко, ректор АлтГУ проф. С. В. Землюков, зам. директора ИАЭТ СО РАН акад. В. И. Молодин); 3 – выступление учёного секретаря ИА РАН, руководителя Центра палеоискусства проф. Е. Г. Дэвлет; 4 – ст. науч. сотр. ИИМК РАН М. Е. Килуновская и науч. сотр. Музея-заповедника «Томская Писаница» А. Н. Мухарева в экспозиции; 5 – фотографии, микалентные и факсимильные копии в разделе по искусству скифского и хуннского времени.

1

2

3

*Рис. 2. Выставка «Наскальное искусство Южной Сибири»:
1 – художественные микалентные копии древнейших петроглифов Минусинской котловины;
2 – фотографии, микалентные и факсимильные копии в разделе по эпохе бронзы; 3 – факсимильные
копии петроглифов памятника Висячий Камень (Притомье).*

Рис. 3. Гора Жалгыз-Тобе: композиции скифского времени, с которых снимались копии, в природном контексте.

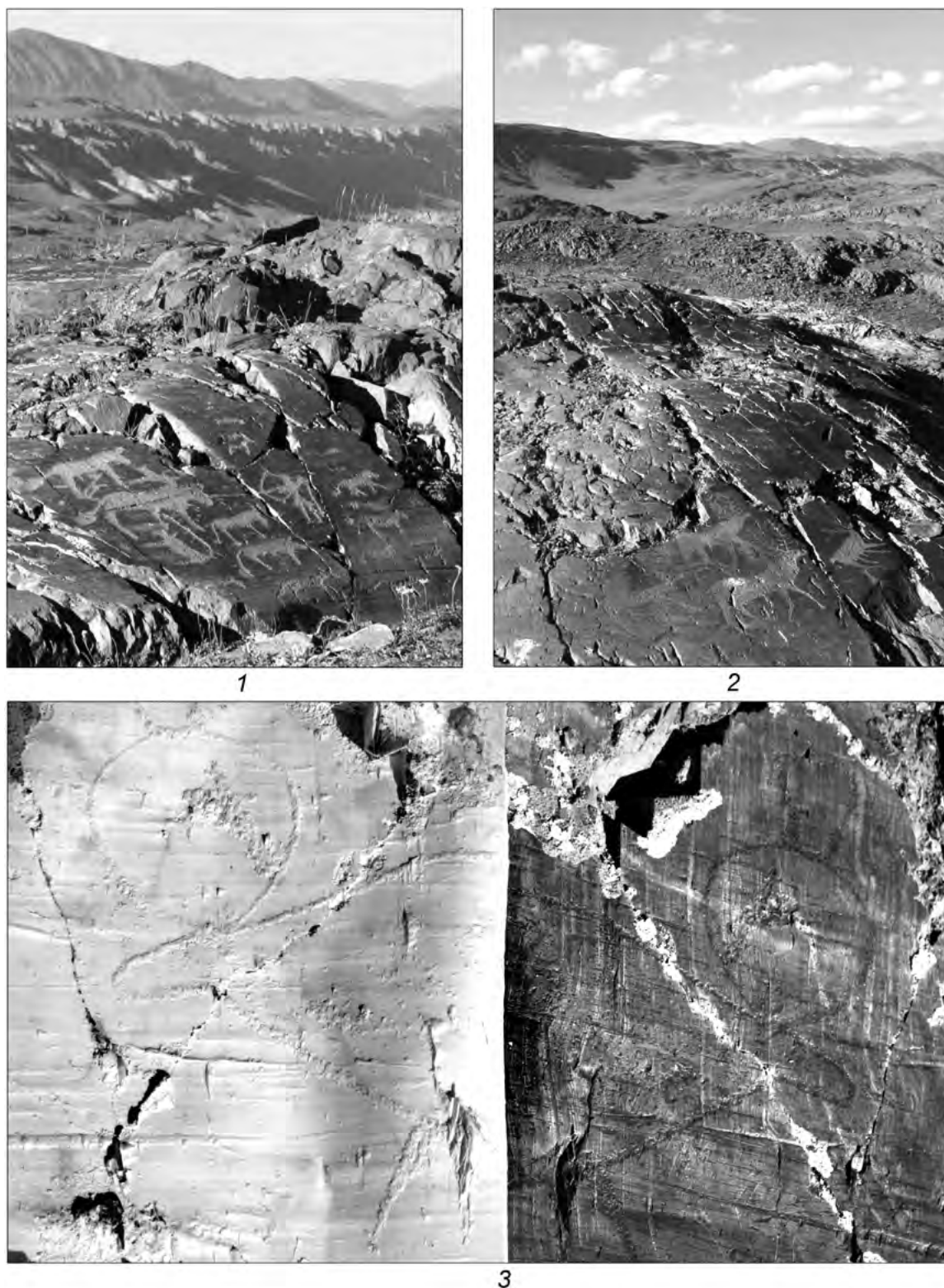

Рис. 4. Петроглифы на р. Чаган: 1, 2 – композиции эпохи бронзы, с которых снимались копии, в природном контексте; 3 – снятие силиконовой матрицы с изображения быка эпохи бронзы.

Сокращения

АлтГУ – Алтайский государственный университет

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

УДК 902/904

НОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КОМПЛЕКСА УЛАЗЫ

Мухарева Анна Николаевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, музей-заповедник «Томская Писаница», доцент, кафедра археологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: mukhareva@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-31-01271a2 «Комплексное изучение наскальных изображений эпохи раннего средневековья на памятниках Алтае-Саянского региона и Монголии»).

В статье публикуются новые наскальные изображения эпохи раннего средневековья, выявленные в разные годы в ходе исследования крупнейшего в северной части Минусинской котловины петроглифического комплекса Улазы. Несмотря на то, что некоторые из этих сцен ранее неоднократно фиксировались многими специалистами в ходе документирования петроглифов памятника, опубликованы они в силу разных причин не были. Все петроглифы, представленные в настоящей статье, хронологически соотносятся с эпохой раннего средневековья и объединены в сцены, запечатлевшие традиционную охоту конных всадников с луками на копытных животных. Вместе с тем, одна из сцен отличается от остальных не только изображением пешей фигуры охотника, но и объектом охоты, в качестве которого выступает хищник.

Ключевые слова: петроглифы, раннесредневековые наскальные изображения, Минусинская котловина.

NEW PICTURES OF THE EARLY MIDDLE AGES IN THE ROCK ART OF THE ULASY COMPLEX

Mukhareva Anna Nikolaevna,

Candidate of History, senior researcher of the Museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa», Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mukhareva@mail.ru

The article concerns the new rock images of the early Middle Ages, revealed in different years during research of the Ulazy petroglyphic complex which is the largest in the northern part of the Minusinsk Basin. Despite the fact that some of these scenes were previously repeatedly recorded by many specialists during the documentation of the petroglyphs of the site, they were not published for various reasons. All petroglyphs presented in this article are chronologically correlated with the period of the early Middle Ages and combined into scenes that traditionally captured the horsemen's hunt with bows on ungulates. At the same time, one of the scenes differs from others not only in depicting the hunter's pedestrian figure, but also in the object of hunting, in which the predator acts.

Keywords: petroglyphs, early medieval rock art, Minusinsk Basin.

Исследование крупных комплексов наскального искусства зачастую сопряжено с многолетними планомерными изысканиями, осуществляемыми разными специалистами на протяжении длительного времени. История изучения таких памятников связана с десятками имен, а у многих исследователей и в разных музеях хранятся коллекции копий, прорисовок и фотографий, материалы которых опубликованы лишь частично. Подобная ситуация, неоднократно подмечаемая исследователями, работающими на крупнейших

памятниках наскального искусства Минусинской котловины, наблюдается относительно петроглифов комплекса Улазы, расположенного на правом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) в Новосёловском районе Красноярского края (рис. 1: 1, 2). Этот комплекс наскального искусства остаётся крупнейшим в северной части Минусинской котловины. Образующая его цепочка гор протянулась с запада на восток по правому берегу длинного залива, напротив с. Новосёлово, в 4 км ниже паромной переправы. Среди гор

выделяется своими размерами самая западная, известная в литературе под названием Большой Улаз (у местного населения именуется Улазской сопкой). Следующие за Большим Улазом горы значительно меньше как по высоте, так и по количеству известных на них изображений.

В целом, история изучения этого памятника остаётся сравнительно непродолжительной, несмотря на то, что наиболее ранние упоминания о наскальных рисунках горного массива в районе несуществующей ныне дер. Улазы встречаются ещё в литературе XIX в. Тем не менее, в последние десятилетия различные исследователи неоднократно принимались за документирование этого памятника. В 1982 г. Н. В. Леонтьевым в ходе первого наиболее полного обследования [3] было выявлено около 70 граней с рисунками на четырёх местонахождениях комплекса (позднее эта коллекция, состоящая из копий наскальных изображений на кальке, их зарисовок и описаний, поступила в фонды музея-заповедника «Томская Писаница»: Основной фонд №№ 7514–7531; Научно-вспомогательный фонд №№ 7994–8063). В 2004 и 2006 гг. отрядом археологов из Красноярского государственного педагогического университета в результате обследования массива было зафиксировано «по меньшей мере» шесть пунктов с несколькими десятками плоскостей с наскальными изображениями [1; 2; и др.]. В 2004 г. этот комплекс впервые был осмотрен нами [3, с. 120], а с 2009 г. было начато планомерное документирование памятника, продолжающееся и сейчас. На современном этапе задачами документирования являются не только копирование всех петроглифов комплекса, но и картографирование, определение границ местонахождений, индексация, составление индексированных фотопанорам, а также документирование повреждений.

К настоящему времени в результате обследования комплекса Улазы, исходя из особенностей рельефа местности, нами выделено семь местонахождений, расположенных в разных частях горного массива (рис. 1: 1, 3).

Улазы I – самая западная и крупная гора и самое большое по количеству петроглифов местонахождение, именуемое Большой Улаз. Рисунки нанесены на вертикальные и горизонтальные скальные выходы многочисленных ярусов от подножия до вершины горы, отвесный западный склон которой обрывается в Енисей.

Улазы II – гора, расположенная восточнее Улазы I и имеющая наибольшую протяжённость. Петроглифы встречаются как на вертикальных выходах, имеющих на юго-западной оконечности горы, так и на горизонтальных, сосредоточенных на её вершине.

Улазы III – небольшая гора, находящаяся южнее Улазы II.

Улазы IV – пункт, выявленный в этой же цепи гор северо-восточнее Улазы III с петроглифами на вертикальных и горизонтальных выходах.

Улазы V – компактное местонахождение, локализованное северо-восточнее Улазы IV.

Улазы VI и VII – небольшие возвышенности с невыразительными ярусами горизонтальных выходов, расположенные северо-восточнее пункта Улазы V, почти перпендикулярно береговой линии.

Все местонахождения находятся по правому борту большого урочища, называемого местными жителями «Волчьим логом», по дну которого течёт небольшая речка Каменушка, пересыхающая в жаркое время года, а в месте её впадения в Красноярское водохранилище образован узкий и довольно длинный залив. На скальных плоскостях всех пунктов, как вертикальных, так и горизонтальных, представлены петроглифы различных эпох, при этом в численном отношении преобладают изображения, созданные в I тыс. н.э. Абсолютное большинство раннесредневековых композиций демонстрирует акты охоты вооруженных луками конных всадников на копытных животных (рис. 2, 3, 4: 1, 2).

Нередко возможность выявить новую композицию или уточнить известную ранее появляется в результате расчистки скальной плоскости от лишайников. Благодаря этому на разных местонахождениях комплекса удалось обнаружить целые серии новых петроглифов [5], в том числе раннесредневековых [4, рис. 14–17]. Одна из таких плоскостей, ранее не представленная в научной литературе, была расчищена в 2012 г. на одном из верхних ярусов горы Большой Улаз. На ней изображен конный всадник с натянутым луком, охотящийся на копытное животное (рис. 2). Фигура коня с подогнутыми ногами, передающими его быстрое движение, выполнена в той же стилистической манере, что и представительная серия других петроглифов памятника, однако, не совсем обычно изображено животное, являющееся объектом охоты. Вероятно, это небольшой олень или козуля, однако средневековый художник изобразил его с нетипично длинной шеей, нехарактерной для данного вида.

Представляет интерес еще одна плоскость на местонахождении Улазы I, где помимо сцены охоты схематично выбиты два животных и тамга (рис. 3: 1, 2). Характер пикетажа, которым выполнены фигуры, отличается; изображения не образуют палимпсеста; тем не менее, опираясь на композиционный анализ, можно восстановить последовательность заполнения плоскости. Предположительно, первоначально были выбиты крупные фигуры в центральной части скальной поверхности, после чего в иной технике и стилистической манере было выполнено изображение лошади. В некоторых местах удается проследить тончайшую и едва заметную линию

эскиза, предшествующую заполнению корпуса. Уже в последнюю очередь к лошади был добавлен всадник и намечена фигура еще одного копытного животного, в которое он целится из лука (рис. 3: 3). В аналогичной технике в свободной правой части плоскости выполнена тамга, которую по времени создания можно соотносить с фигурами всадника и преследуемого им копытного. Это предположение косвенно подтверждает расположенная поблизости многофигурная композиция со сценой охоты, отличающаяся особой изящностью и мастерством исполнения, в состав которой входит аналогичная тамга [6, рис. 2–4]. Общий характер пикетажа и стилистическое единство изображений позволяет предположить, что композиция на этом фризе и «последние дополнения» к вышеописанной сцене были сделаны одним человеком.

Наряду с другими аналогичными композициями (рис. 4: 1, 2), выявленными на местонахождениях комплекса Улазы I–IV, известны сцены охоты с участием пеших людей. Одна из таких сцен (рис. 4: 3, 4) отличается тем, что пеший охотник (?) изображен преследующим медведя (?). Хронологически время её создания можно определить в пределах эпохи раннего средневековья.

Образ медведя, выступающего объектом охоты, известен в изобразительном искусстве населения

I тыс. н.э. Саяно-Алтая. Однако для памятников наскального искусства, расположенных в северной части Минусинской котловины, он не характерен и в настоящее время зафиксирован только в петроглифах Улазы IV. Определенная лаконичность сцены не позволяет судить о вооружении охотника, преследующего столь опасного зверя. Нельзя исключать, что изначально оно могло быть изображено неглубокими гравированными или протертыми контурами, но в силу времени и сильнейших процессов выветривания, воздействию которых подвергаются скальные плоскости памятника, проследить это не представляется возможным.

Таким образом, судя по наскальному искусству, население северной части Минусинской котловины I тыс. н.э. придавало сценам охоты первостепенное значение. Все сюжеты передают свойственный эпохе динамизм, а значительная их часть отражает охоту конного всадника, вооруженного луком, на копытных животных. Вместе с тем, в исключительных случаях средневековые художники дополняли излюбленный репертуар новыми образами, позволяющими расширить наши представления об охотничьей практике населения того времени.

Литература:

1. Заика, А. Л., Дроздов, Н. И., Макулов, В. И., Воинков, В. В., Журавков, С. П., Пьянков, М. А. Итоги исследования петроглифов на правобережье Енисея / А. Л. Заика, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов, В. В. Воинков, С. П. Журавков, М. А. Пьянков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 257–258.
2. Заика, А. Л. Отчет. Археологические исследования на территории Новоселовского района Красноярского края в 2006 г. – Красноярск, 2007 / Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. – Ф. 1. Р. 1. № 26095.
3. Леонтьев, Н. В., Миклашевич, Е. А., Мухарева, А. Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины / Н. В. Леонтьев, Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 120–132.
4. Мухарева, А. Н. Петроглифы местонахождения Улазы III / А. Н. Мухарева. // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская. Лянищенская. Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. X. – С. 57–71.
5. Мухарева, А. Н. Изображения на каменных «плитах» севера Минусинской котловины / А. Н. Мухарева // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 83–84.
6. Мухарева, А. Н. «Кудыргинские» сцены охоты в раннесредневековых петроглифах горы Большой Улаз / А. Н. Мухарева // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2016. – Вып. 4. – С. 46–53.

References:

1. Zaika, A. L., Drozdov, N. I., Makulov, V. I., Voinkov, V. V., Zhuravkov, S. P., Pyankov, M. A. Itogi issledovaniya petroglifov na pravoberezh'ye Yeniseya [Archaeological research in the north Minusinsk Basin (Results of the study of petroglyphs on the right bank of the Yenisei River)] // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. – 2004. – P. 257–258. (In Russ.).
2. Zaika, A. L. Otchet. Arheologicheskie issledovaniya na territorii Novoselovskogo rajona Krasnoyarskogo kraja v 2006 godu [Report. Archaeological research on the territory of Novoselovsky District of the Krasnoyarsk Territory in 2006]. – Krasnoyarsk, 2007 / Nauchno-otraslevoj arhiv Instituta arheologii RAN [Scientific and Industrial Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. – F. 1. – P. 1. – № 26095.

3. Leont'ev, N. V., Miklashevich, E. A., Mukhareva, A. N. Pamjatnik naskal'nogo iskusstva Ulazy na severe Minusinskoj kotloviny [Monument Rock Art Ulazy the north Minusinsk Basin] // Arheologija Juzhnoj Sibiri. Sbornik nauchnyh trudov, posvjashhennyj 60-letiju so dnja rozhdenija V. V. Bobrova [Archaeology South Siberia. Collection of scientific works dedicated to the 60th anniversary of the birth of V. Bobrova]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. – Vol. 23. – P. 120–132. (In Russ.).
4. Mukhareva, A. N. Petroglify mestnakhozhdeniya Ulazy III [Petroglyphs of the Ulaza III rock art site] // Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny. Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha. Trudy SAIP. Vyp. X [Rock art sites Minusinsk Basin. Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha. Occasional SAPAR publications. Vol. X]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. – P. 57–71. (In Russ.).
5. Mukhareva, A. N. Izobrazhenija na kamennyh «plitah» severa Minusinskoj kotloviny [Images on the stone slabs at the North of the Minusinsk Basin]. Trudy IV (XX) Vserossijskogo Arheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) Meeting of Archaeologists of Russia]. T. IV. Kazan', 2014. – P. 83–84. (In Russ.).
6. Mukhareva, A. N. «Kudyrge» sceny ohoty v rannesrednevekovykh petroglifah gory Bol'shoj Ulaz [Hunting scene of «kudyrge» type in early medieval petroglyphs of the mountain Bol'shoj (Big) Ulaz] // Uchyonye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanica». Vyp. 4 [Scholarly Notes of the «Tomskaya Pisanitsa» museum-reserve. Issue 4.]. – Kemerovo, 2016. – P. 46–53. (In Russ.).

Рис. 1. Скальный массив Улазы: 1 – общий вид с юго-запада с указанием расположения местонахождений I–VII; 2 – расположение комплекса на карте; 3 – расположение местонахождений Улазы I–VII на спутниковом снимке.

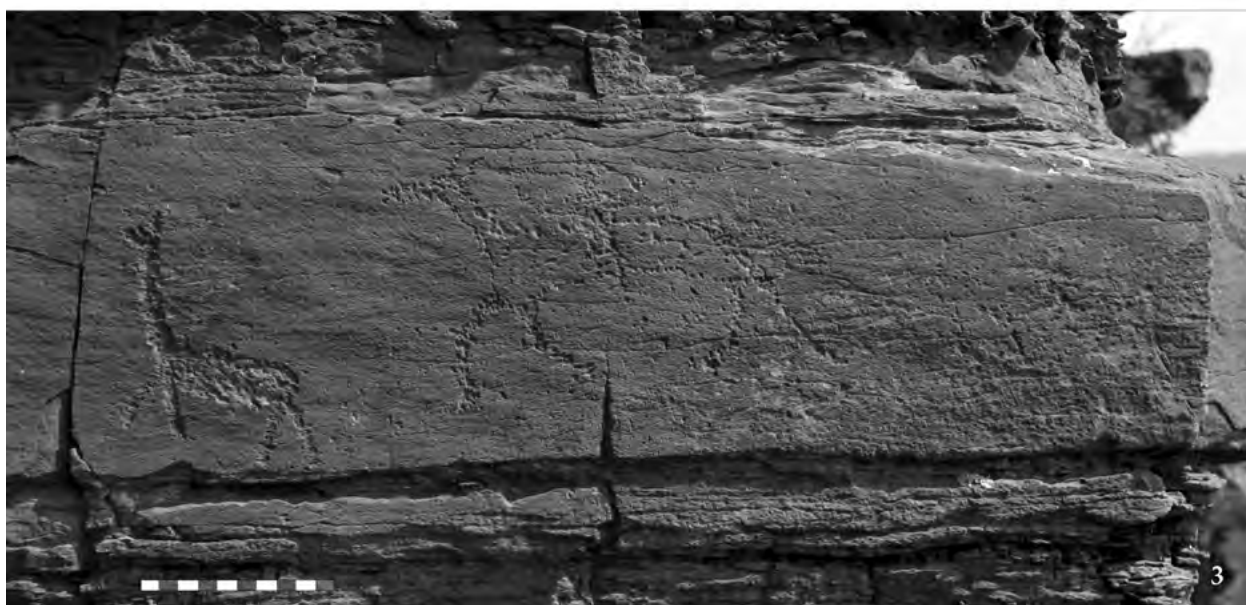
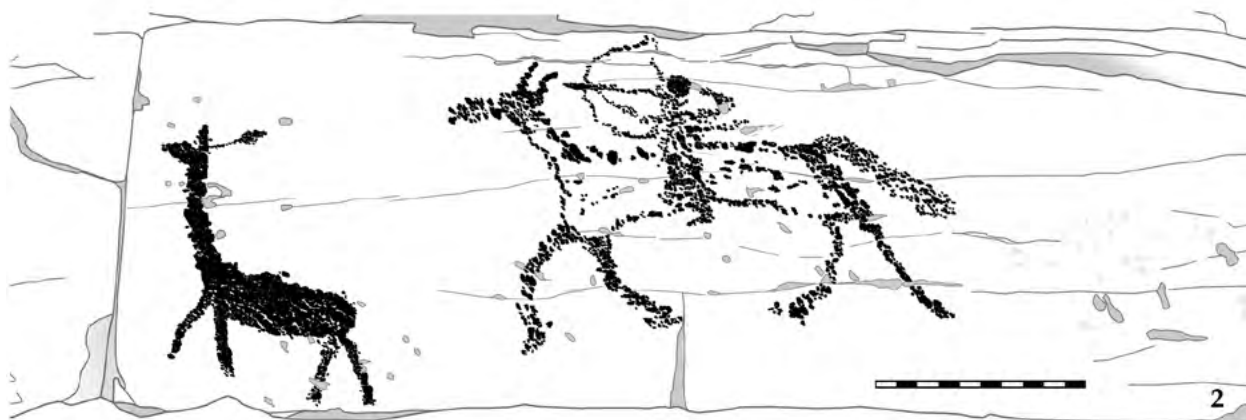
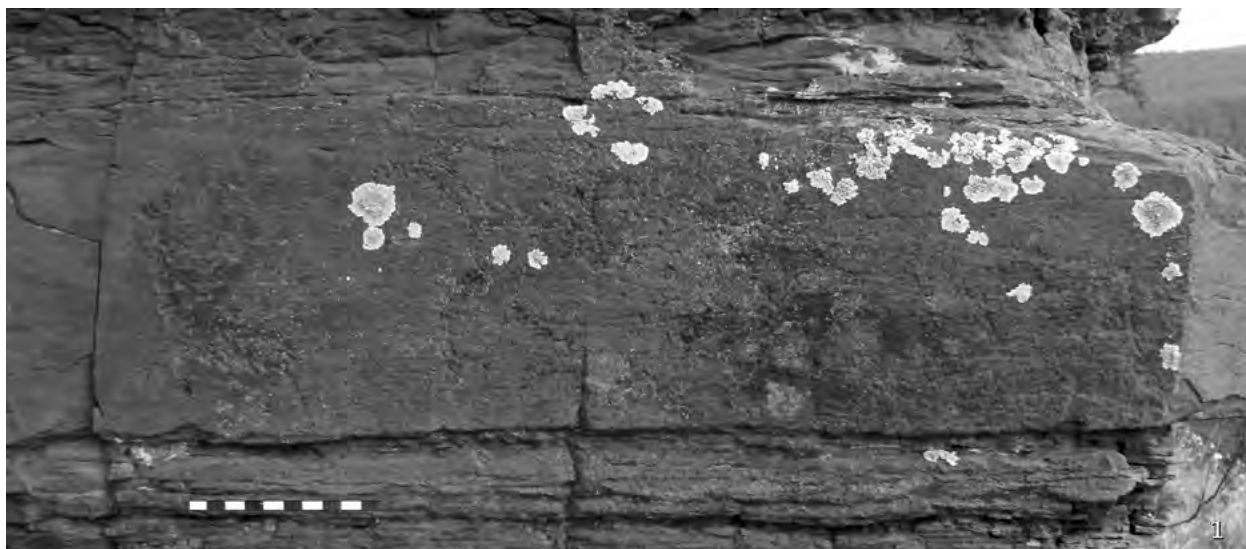

Рис. 2. Плоскость со сценой охоты на местонахождении Улазы I (Большой Улаз): 1 – до расчистки от лишайников, фото 2011 г.; 2 – прорисовка; 3 – после расчистки, фото 2012 г.

Рис. 3. Плоскость со сценой охоты, изображениями животных и тамгой на местонахождении Улазы I (Большой Улаз): 1 – общий вид плоскости, фото 2016 г.; 2 – прорисовка; 3 – фрагмент композиции со сценой охоты, фото 2016 г.

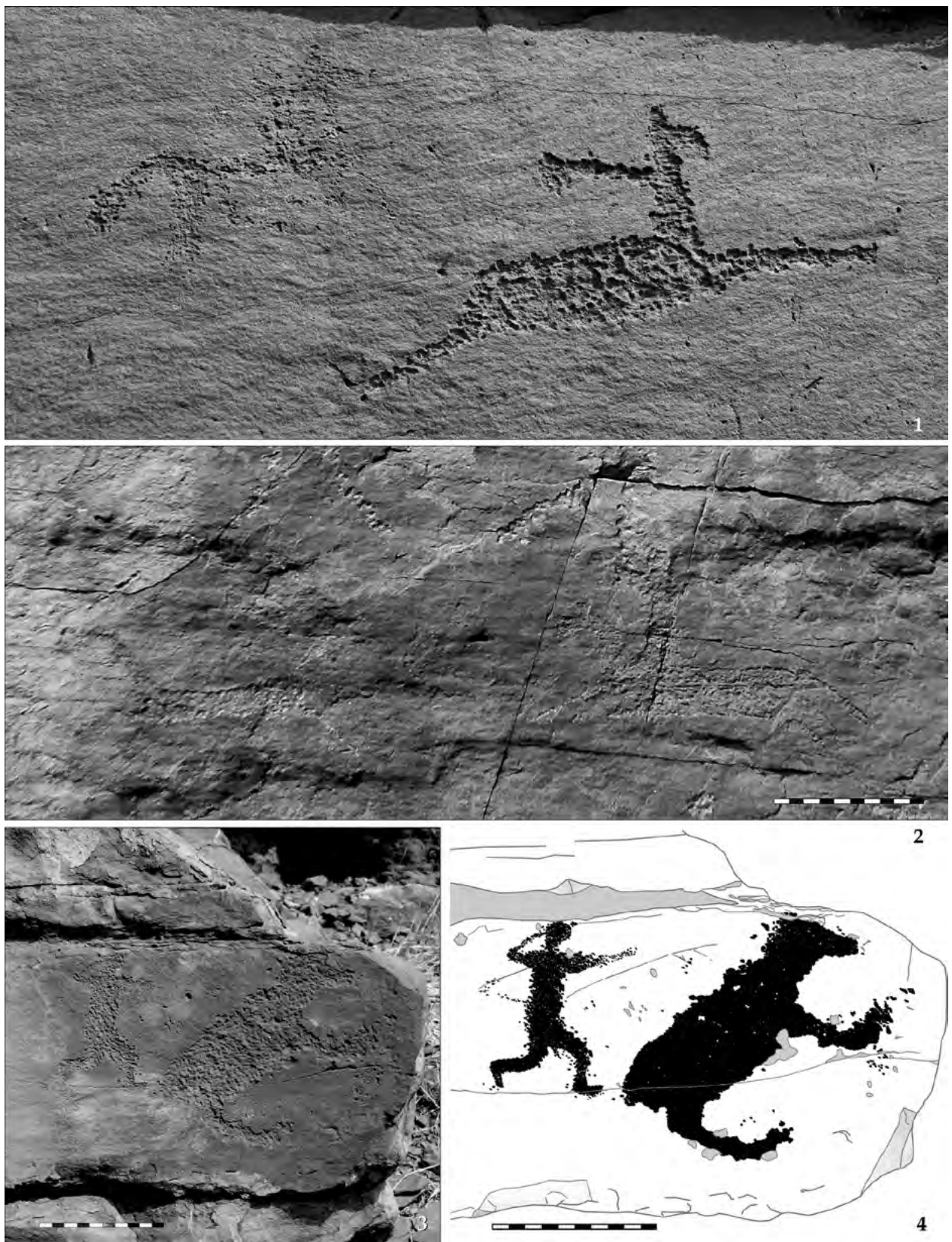

Рис. 4. Плоскости со сценами охоты на различных местонахождениях комплекса Улазы: 1 – местонахождение Улазы I (Большой Улаз), фото 2009 г.; 2 – местонахождение Улазы IV (фрагмент разновременной многофигурной композиции), фото 2012 г.; 3 – местонахождение Улазы IV, фото 2012 г.; 4 – прорисовка сцены под № 3.

УДК 902/904

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЮГА НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Плац Иван Андреевич,

младший научный сотрудник, лаборатория археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии, Сибирское отделение, Российская академия наук (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: ivanplac@yandex.ru

Составление археологической карты юга Нижнего Притомья, которая бы отражала все памятники, известные в данный конкретный момент, является важной и постоянной задачей. Работа по картографированию и краткому описанию археологических памятников Западной Сибири началась в конце XIX века и продолжается непрерывно по настоящее время. Последняя сводка новых археологических памятников для южных районов Нижнего Притомья увидела свет в 2011 году, поэтому назрела необходимость публикации новых материалов к археологической карте района.

Цель данной статьи заключается во введении в научный оборот актуальной археологической карты юга Нижнего Притомья с учетом открытых в 2012–2017 гг. памятников, а также их краткое описание.

При подготовке статьи использовался метод картографирования, традиционный для публикаций, связанных с местоположением археологических памятников.

В статье публикуется краткая информация о 16 новых памятниках на территории южных районов Нижнего Притомья. Каждое местонахождение описывается по стандартной схеме: название и тип памятника, год обнаружения, описание материалов, культурно-хронологическая атрибуция.

Картографирование всех памятников показало малую изученность юга Нижнего Притомья по сравнению с соседними регионами – Томским Приобьем, Ачинско-Мариинской лесостепью и необходимость дальнейших археологических поисков. Лишь единичные памятники исследовались в ходе стационарных, широкомасштабных раскопок. Для характеристики древней истории региона на качественно новом уровне необходимо исследование нескольких опорных памятников широкими площадями. Особенно остро стоит недостаточная изученность погребальных традиций древнего и средневекового населения юга Нижнего Притомья. Обновленная археологическая карта района наглядно показывает особенную перспективность поисков новых памятников археологии по левому берегу р. Томи и её притокам.

Ключевые слова: археологическая карта, юг Нижнего Притомья, археологические памятники.

THE MATERIALS TO ARCHEOLOGICAL MAP OF THE SOUTH OF LOWER TOM REGION

Plats Ivan Andreevich,

Junior Researcher at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ivanplac@yandex.ru

The compilation of current archaeological map of the south of the Lower Tom region is an important and permanent task. Work on mapping and brief description of archaeological sites of Western Siberia began at the end of the XIX century and continues uninterruptedly till the present time. The latest summary of new archaeological sites for the southern regions of the Lower Tom region was published in 2011, so it is time to publish new materials for the archaeological map of the area.

The purpose of this article is to introduce into the scientific circulation the actual archaeological map of the south of the Lower Tom region in view of the open sites in 2012–2017, as well as a brief description.

In preparing the article, a mapping method was used, traditional for publications related to the location of archaeological sites.

The article publishes a brief information about 16 new sites on the territory of the southern regions of the Lower Tom. Each location is described by the standard scheme: the name and type of the site, the year of detection, the description of the materials, the cultural-chronological attribution.

Mapping of all the sites showed a small investigation of the south of the Lower Tom region in comparison with the neighboring regions – Tomsk Ob region, the Achinsk-Mariinsk forest-steppe and the need for further archaeological searches. Only single sites were studied during stationary, large-scale excavations. To

characterize the ancient history of the region at a qualitatively new level, it is necessary to research several reference monuments with wide areas. Particularly acute is the insufficient research of the funerary traditions of the ancient and medieval population of the south of the Lower Tom region. The renewed archaeological map of the region clearly shows the particular prospect of searching for new archeological sites along the left bank of the river Tom and her tributaries.

Keywords: archeological map, the south of Lower Tom region, archeological sites.

Картографирование археологических памятников и составление археологических карт различных районов является одной из важнейших задач сибирской археологии практически с самого ее зарождения. Еще в 1880-е годы выдающимся ученым В. М. Флоринским были осуществлены первые попытки картографирования археологических памятников по Томи [26]. В дальнейшем Томское общество изучения Сибири намеревалось создать археологическую карту Западной Сибири, но это предприятие, по всей видимости, было прервано Первой мировой войной [22]. Лишь в 1953 году эту идею частично осуществила И. А. Талицкая, опубликовавшая археологическую карту Нижнего и Среднего Приобья [25]. С появлением профессиональных археологов в Кемерово, началась и более активная работа по картографированию памятников региона. Об этом свидетельствует любопытный архивный документ из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ «Паспорта археологических памятников». В 1965 году в Кемеровской области числилось 35 памятников и 18 случайных находок [20]. В 60-е – 80-е гг. количество выявленных памятников увеличилось в разы. В этих условиях событием огромного значения стала публикация в 1989 году труда А. М. Кулемзина и Ю. М. Бородкина «Археологические памятники Кемеровской области» [7]. На тот период на юге Нижнего Притомыя уже числилось несколько десятков памятников. В дальнейшем этот список был дополнен А. Г. Марочкиным и П. В. Германом [11].

Предлагаемая статья является продолжением работ по картографированию памятников южных районов Нижнего Притомыя. Это обусловлено открытием и исследованием целого ряда новых памятников с момента последнего обновления археологической карты региона (Рис. 1). В основу работы положены результаты археологических исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН и Музея-заповедника «Томская Писаница» под руководством А. Г. Марочкина. В статью включены материалы, отраженные в отчетах в полевой комитет Института археологии РАН, а также данные, разбросанные по публикациям в различных изданиях. Особое внимание было обращено на стандартность описания в определенном порядке: название и вид памятника, год обнаружения, описание материалов, культурно-хронологическая атрибуция.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ, ОТКРЫТЫЕ В 2012–2017 ГГ.

Кулаково 1. Поселение. Обнаружено в 2016 году. Памятник расположен в 390 м от одноименного села, на второй надпойменной террасе правого берега р. Томи на расстоянии 450 м от воды.

Памятник представляет собой остатки нескольких сооружений, в т.ч. землянок и одного комплекса земляных укреплений, состоящего из земляного вала и системы из наружных рвов. Размер комплекса составляет 25×25 м, высота вала достигает 2,8 м, глубина рвов – от 0,5 м до 2,6 м. К северо-западу и северу от укрепленного комплекса располагаются остатки трех землянок, представленных округлыми западинами, диаметром от 2,5 м до 5 м и глубиной до 2,5 м.

Находки, обнаруженные в рекогносцировочных шурфах между укреплением и землянками, представлены мелкими фрагментами станковой керамической посуды.

Предварительная культурно-хронологическая атрибуция затруднена. Обнаруженная керамика может быть датирована концом XVII–XVIII вв., но единичных находок не хватает для атрибуции всего памятника [14].

Кулаково 2. Поселение. Обнаружено в 2016 году. Памятник расположен в северной части села Кулаково, на левом берегу безымянного небольшого притока р. Томи.

При осмотре приусадебного участка одного из домов обнаружены фрагмент станковой керамики XVII–XVIII вв. и крупный медный сплеск. Местными жителями в музей передана случайно найденная в окрестностях села заготовка каменной зернотерки или жернова, круглой формы, диаметром 0,38 м и толщиной 0,09 м, со сквозным отверстием в центре.

Предварительно памятник можно датировать поздним Средневековьем или началом Нового времени [14].

Долгая 4. Городище. Обнаружено в 2012 году. Памятник расположен на высоком мысовидном участке в устье р. Долгая (около 200 м к западу). Включает порядка 30 небольших жилищных западин подквадратной формы (Рис. 2). Предположительно относится к эпохе средневековья, что подтверждается малой насыщенностью и мощностью культуросодержащего слоя и присутствием в нем характерной керамики [17].

Долгая 5. Курганный могильник. Обнаружен в 2012 году. Расположен в 70 м к западу от крутого обрыва правого берега р. Томь, в 10 м, в том же направлении от проселочной дороги на с. Пача, в 300 м к северу от устья р. Долгая. Состоит из 8 курганов высотой от 0,3 м до 1 м, к некоторым из них с западной стороны примыкают ровики. Культурная и хронологическая принадлежность не установлена [17].

Долгая 6. Курганный могильник. Обнаружен в 2012 году. Памятник расположен в 17 м к северу от обрыва правого берега р. Томь, в 200 м к югу от проселочной дороги на с. Пача, в 1500 м к северо-западу от устья р. Долгая. Могильник состоит из трех курганов высотой 0,3 м, с примыкающими с южной стороны ровиками. Культурная и хронологическая принадлежность не установлена [17].

Долгая 7. Курганный могильник. Обнаружен в 2012 году. Находится в непосредственной близости от памятников Долгая 6, Долгая 3. Включает шесть курганов высотой от 0,4 до 1,2 м. Культурная и хронологическая принадлежность не установлена [17].

Пача 4. Поселение. Обнаружено в 2015 году. Памятник расположен в месте впадения в р. Томь её правого притока р. Пача, в 250 м к ЗСЗ от села Пача. Местонахождение связано с мысовидным участком, образованным первой надпойменной террасой р. Томь (высота до 8 м) и руслом р. Пача.

В юго-западной части поселения, на краю террасы зафиксированы пять западин от построек. Четыре западины, округлые в плане, размеры не превышают 4 м в диаметре. Западина № 5, овальная в плане, размеры её составляют 21х9 м, глубина – до 1 м.

На памятнике было заложено два рекогносцировочных шурфа. Слой насыщен находками: фрагментами керамической посуды, костями животных.

Верхний горизонт представлен комплексом раннего Средневековья (VI–VIII вв. н.э.), материалы которого залегали на глубине до 0,3 м от современной дневной поверхности. Датирующей особенностью комплекса выступают морфология сосудов (уплощенный и скошенный наружу срез венчиков, раздутое тулово) и применение налепных валиков в орнаментальном декоре. Это сближает комплекс с поселениями лачиновской культуры раннего средневековья. Нижний горизонт (на глубине до 1 м) предварительно связан с периодом ранней бронзы [13].

Синеречка 1. Поселение. Обнаружено в 2013 году. Памятник расположен на правом берегу р. Томи, на третьей надпойменной террасе (высота до 6 м), рядом с руслом р. 1-я Синяя. Ближайшими населенными пунктами являются с. Пача Яшкинского района Кемеровской области (2,65 км к СЗ по течению реки Томи), д. Синеречка Яшкинского района Кемеровской области

(3,4 км к С). Непосредственно под террасой, вдоль береговой линии р. Томь, в 20 м к югу от памятника, проходит грунтовая дорога из д. Писаной в с. Пача.

Поселение частично исследовалось рекогносцировочным раскопом площадью 18 м². В раскопе зафиксировано 126 фрагментов керамических сосудов – 14 венчиков, 109 тулов и 3 – плоских днищ. Наиболее многочисленной категорией находок на памятнике Синеречка 1 являются предметы каменной индустрии (295 экз.). Среди них присутствуют как промежуточные продукты расщепления – желвак, пренуклеус, первичные сколы, отщепы, так и готовые изделия – остроконечник, скребки, фрагменты абразивов, топор, галечное орудие, а также утилитарные сколы с поверхности шлифованных орудий. Примечательна находка сланцевой подвески с отверстием.

Памятник Синеречка 1 является многослойным поселенческим памятником. Морфологический анализ керамики выявил пять хронологических комплексов: ранней – начала развитой бронзы (крохалевская культура), постандроновского времени, поздней бронзы (ирменская культура), переходного времени от поздней бронзы к раннему железу (тургайская культура), раннего средневековья [8; 12; 16].

Синеречка 2. Поселение. Обнаружено в 2014 году. Памятник расположен на правом берегу р. Томи, в 170 м к юго-востоку от памятника Синеречка 1. Поселение приурочено останцу третьей надпойменной террасе правого берега р. Томь, высотой до 6 м. С юго-запада терраса ограничена современным руслом р. Томь, с северо-востока – густыми насаждениями осины и березы. Юго-восточная граница определена руслом р. 2-я Синяя, устье которой находится в 80 м к ЮЮВ. Северо-западная граница данного участка террасы связана с оврагом, отделяющим местонахождение от поселения Синеречка 1.

На южном краю площадки имеются две западины от жилых конструкций. На участке между западинами № 1 и № 2 был заложен рекогносцировочный шурф. Находки из рекогносцировочного раскопа представлены фрагментами керамической посуды (30 экз.), предметами каменной индустрии (4 экз.) и фрагментом кости животного (1 экз.).

Данных для детальной культурно-хронологической атрибуции не достаточно. По наличию характерной керамики, поселение предварительно датировано периодом раннего железа [8; 16].

Синеречка 3. Поселение. Обнаружено в 2014 году. Памятник находится на третьей надпойменной террасе правого берега р. Томь, в 150 м выше по течению от памятника Синеречка 2, около 4 км к СЗ от Томской писаницы (по течению р. Томь). Место памятника раньше занимала русская деревня, о чем свидетельствует расположение непосредственно на площадке террасы глубоких

подпрямоугольных западин. Кроме того, площадь памятника повреждена остатками грабительских шурфов, хозяйственных ям, частично нарушена проселочной дорогой. На западной оконечности площадки собран подъемный материал, включающий фрагмент керамики без орнамента и один пластинчатый отщеп.

Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения на данном этапе затруднена [16].

Ивановка 2. Поселение. Обнаружено в 2014 году. Памятник расположен на правом берегу р. Томи, на третьей надпойменной террасе высотой до 12–13 м, в 200 м к юго-востоку (вверх по течению реки) от поселения Ивановка 1, отделенного от площадки выявленного местонахождения глубоким распадком пересохшего в настоящее время ручья. Ближайшими населенными пунктами являются с. Пача Яшкинского района Кемеровской области (3,7 км к СЗ по течению реки), д. Писаная Яшкинского района Кемеровской области и музей-заповедник «Томская Писаница» (5 км к ЮВ вверх по течению реки). Непосредственно под террасой, в 20 м к югу от памятника, проходит грунтовая дорога из д. Писаной в с. Пача.

На памятнике к настоящему времени исследовано 20 м² площади. Находки представлены 1 экз. железных удил, 17 фрагментами керамической посуды, 50 предметами из камня, среди них – отщепы, продукты первичного расщепления (желваки, расколотые гальки), пластина без ретуши, скребки, ножи.

Наличие на памятнике керамики крохалевской культуры и каменных орудий позволило датировать памятник периодом ранней – начала развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.). Но основная часть каменных артефактов залегают в пограничной области между «материком» и гумусированным суглинком, т.е. до 0,4 м глубже, чем крохалевская керамическая посуда. Это может означать наличие более раннего хронологического комплекса. Обнаружение железных удил позволило предположить наличие слоя эпохи Средневековья и Нового времени [9; 16; 18].

Писаная 3. Поселение. Обнаружено в 2016 году. Памятник расположен на террасе правого берега р. Писаная, в 600 м к северо-востоку от ее впадения в р. Томь. По сообщениям местных старожилов, на этом участке вплоть до 1960-х гг. стояли дома д. Писаной.

На памятнике проведена шурфовка с целью определения границ поселения. Заложены пять шурфов общей площадью 11 м². Находки представлены 13 фр. керамических сосудов с т.н. поливной глазурью, выполненных на гончарном круге, 2 фрагмента фарфоровых блюдец, железной вилкой, 3 костями животных, железным ножом, железной щеколдой, 26 отщепами, обушком орудия-бифаса, фрагментом крупного скребка, фрагментом ножа-бифаса.

Керамика и железные предметы относятся к мощному культурному слою русско-советского времени. Наличие на памятнике предметов каменной индустрии позволило предварительно выделить поселенческий комплекс неолита и раннего бронзового века [14].

Бондарева гора. Поселение. Обнаружено в 2016 году. Расположено в северо-восточной части правого берега р. Писаная, отделяемой от современной деревни полотном автомобильной дороги, на расстоянии 700 м от устья. Памятник расположен на мысовидном участке в месте впадения в р. Писаная безымянного ручья.

На памятнике зафиксировано семь округлых западин от землянок, глубина западин варьирует от 0,6 до 1,2 м, при диаметре от 2,5 до 5 м. Из рекогносцировочных шурфов получены 3 фр. керамики без орнамента; 1 железный предмет неизвестного назначения, железная подкова и пластинчатый отщеп без вторичной подработки (рис. 4).

Предварительная датировка поселения: Новое время (XVII – нач. XX вв.), неолит – ранний бронзовый век [14].

Пещерка 2. Поселение. Обнаружено в 2016 году. Расположено в Кемеровском районе на правом берегу р. Томь, в 200 м к СЗ от устья р. Пещерка, на склоне массивного скального выхода. Ближайшие населенные пункты: деревня Пещерка (2,1 км к С), поселок Колмогорова (1,9 км к СЗ), поселок Известковый (5,8 км к ЮВ). На востоке памятник ограничен долиной р. Пещерка, на юге – р. Томь. На севере от памятника начинаются луга и пашня. На западе памятник оканчивается на вершине скального выхода.

Памятник представлен 11 крупными округлыми западинами, расположенными в один ряд вдоль крутого склона. Датировка и культурная принадлежность не определена [14].

Каменка 1. Поселение. Обнаружено в 2017 году. Расположено в Кемеровском районе на надпойменной террасе правого берега р. Томь, на мысовидном участке в устье р. Каменка. Ближайшие населенные пункты: село Верхотомское (2,9 км к ЮВ), деревня Старая Балахонка (5,3 км к СЗ). Поселение ограничено с ЮЗ р. Томь, с ЮВ р. Каменка. На СВ памятник ограничен техническим заездом на автотрассу Кемерово-Яшкино и кучами щебенки. К С и СЗ поселение ограничено грунтовыми дорогами и повышающимся рельефом (Рис. 3).

На памятнике зафиксировано 3 округлых западины. При зачистках обнажений найдены два фрагмента керамики без орнамента, каменный скребок и отщеп. Предварительная датировка: неолит – ранний бронзовый век, новое время.

Верхотомское 1. Поселение. Обнаружено в 2016 году. Памятник расположен на мысу, образованном приустьевым участком левого берега р. Чесноковка и первой надпойменной террасой

правого берега р. Томь. В настоящее время территория памятника занята приусадебным участком дачного хозяйства (рис. 4).

При осмотре обнажений на поселении найдены 63 фр. керамической посуды, три медные монеты и металлический нательный крест.

Морфология полученной керамики и наличие монет с известным годом выпуска позволила датировать период бытования поселения в диапазоне вторая половина XVIII – середина XIX веков [14].

Составление археологической карты является непрерывным процессом. Без сомнения, представленная в этой статье карта в будущем будет дополнена множеством новых памятников. На юге Нижнего Притомья известно уже более 80 местонахождений. Однако, в сравнении с соседними регионами – Томским Приобьём, Ачинско-Мариинской лесостепью, это небольшое количество. Фактически регион мало изучен археологически. Поэтому по-прежнему стоит задача поиска новых памятников.

Обращает на себя внимание небольшое количество памятников, изучавшихся стационарно и обширными площадями. К таким памятникам относятся поселения Долгая 1 [4; 15], Ивановка 1 [5; 6; 19; 23] Писаная I, Новороманово 2 [3], Медынино 1 [24], городища Люскус 1 [1] и Городок 1 [27]. Все остальные памятники известны лишь по подъемным сборам, либо рекогносцировочным шурфам и раскопам. Большое значение для

археологии региона может иметь выбор одного или нескольких памятников в качестве опорных и полное их исследование.

Следует отметить, что в рассматриваемом районе сформировалась некоторая диспропорция между типами памятников. Среди известных местонахождений преобладают поселения. Остро стоит необходимость обнаружения крупных, разновременных могильников, которые бы позволили на качественно ином уровне разработать вопросы периодизации, хронологии и культурно-исторических процессов на юге Нижнего Притомья [10]. Нет сомнений, что такие памятники должны существовать, учитывая количество поселений и широко известные могильники соседних регионов [2; 21].

Представленная в данной статье археологическая карта наглядно показывает, что в текущий момент правобережье Томи на этом отрезке намного лучше исследовано археологически, чем левобережье. Левый берег низкий, но вполне удобен для проживания, о чем свидетельствует множество современных деревень. Здесь Томь имеет целый ряд прекрасных левых притоков: рр. Большая Мозжуха, Алфутка, Глубокая, Стрелина, Колбиха, Лиственка, Искитим, Лебяжья и др. Археологические разведки в этих местах довольно перспективны и вполне могут дать новые материалы к археологической карте юга Нижнего Притомья.

Литература:

1. Бобров, В. В. Поселение на р. Люскус / В. В. Бобров // Археология Южной Сибири. – Кемерово. 1979. – С. 47–59.
2. Бобров, В. В., Горяев, В. С., Умеренкова, О. В. Планиграфические особенности памятника Танай-12 / В. В. Бобров, В. С. Горяев, О. В. Умеренкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 229–233.
3. Бобров, В. В., Ковтун, И. В., Марочкин, А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства / В. В. Бобров, И. В. Ковтун, А. Г. Марочкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 214–219.
4. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 170–174.
5. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Панкратова, Л. В., Конончук, К. В. Поселение Ивановка 1 на юге Нижнего Притомья / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Л. В. Панкратова, К. В. Конончук // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013 год. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 175–179.
6. Бобров, В. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Панкратова, Л. В., Конончук, К. В., Щербакова, А. В. Новые материалы ранней – начала развитой бронзы на поселениях Нижнего Притомья / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Л. В. Панкратова, К. В. Конончук, А. В. Щербакова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 108–111.
7. Кулемзин, А. М., Бородкин, Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области / А. М. Кулемзин, Ю. М. Бородкин. – Кемерово, 1989. – 158 с.
8. Марочкин, А. Г. Отчет о проведении археологической разведки в Яшкинском районе Кемеровской области в 2014 г. / А. Г. Марочкин. – Кемерово, 2015. – 86 с.
9. Марочкин, А. Г. Отчет о проведении археологической разведки в Яшкинском районе Кемеровской области в 2015 г. / А. Г. Марочкин. – Кемерово, 2016. – 115 с.

10. Марочкин, А. Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин. – // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2016. – Вып. 27. – С. 83–89.
11. Марочкин, А. Г., Герман, П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин, П. В. Герман // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвуиздат. – 2011. – Вып. III. – С. 78–86.
12. Марочкин, А. Г., Конончук, К. В., Юракова, А. Ю. Синеречка-1 – новый хроностратифицированный памятник на юге Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин, К. В. Конончук, А. Ю. Юракова // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. ИЭЧ СО РАН. – Кемерово, 2013. – С. 133–138.
13. Марочкин, А. Г., Плац, И. А., Конончук, К. В. Результаты археологической разведки 2015 года в южных районах Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин, И. А. Плац, К. В. Конончук // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово: Азия-Принт. – 2015. – № 2. – С. 58–65.
14. Марочкин, А. Г., Сизёв, А. С., Плац, И. А., Конончук, К. В. Археологическая разведка в среднем и нижнем течении р. Томи в 2016 г. / А. Г. Марочкин, А. С. Сизёв, И. А. Плац // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово: Азия-Принт. – 2017. – № 5. – С. 67–76.
15. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Материалы неолита-энеолита стоянки Долгая-1 (южные районы Нижнего Притомья) / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 3. – С. 189–201.
16. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Конончук, К. В., Щербакова, А. В., Плац, И. А., Фальман, А. В., Сизёв, А. С. Разведочные изыскания Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2014 г. / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, К. В. Конончук, А. В. Щербакова, И. А. Плац, А. В. Фальман, А. С. Сизёв // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2014 года. – Кемерово, 2014. – Вып. 6. – С. 130–134.
17. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Сизёв, А. С., Щербакова, А. В., Плац, И. А. Результаты исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 2012 г. / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, А. С. Сизёв, А. В. Щербакова, И. А. Плац // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. – Кемерово, 2012. – С. 113–115.
18. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Щербакова, А. В., Плац, И. А., Конончук, К. В., Веретенников, А. В. Раскопки поселенческих памятников на юге Нижнего Притомья / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, А. В. Щербакова, И. А. Плац, К. В. Конончук, А. В. Веретенников // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово: Азия-Принт. – 2015. – № 2. – С. 50–57.
19. Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю., Щербакова, А. В., Фальман, А. В., Веретенников, А. В., Плац, И. А., Сизёв, А. С., Конончук, К. В. Новые материалы по археологии Кузнецкой лесостепи и Притомья (по результатам раскопок 2016 года) / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, А. В. Щербакова, А. В. Фальман, А. В. Веретенников, И. А. Плац, А. С. Сизёв, К. В. Конончук // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово: Азия-Принт. – 2017. – № 5. – С. 77–85.
20. Мартынов, А. И. Паспорта археологических памятников (35 шт.), отдельные находки (18 шт.) / А. И. Мартынов. – Кемерово, 1965. Архив музея «Археология, этнография и экология Южной Сибири», Д. № 22.
21. Матющенко, В. И. Еловский археологический комплекс / В. И. Матющенко. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – Ч. 2. – 2004. – 467 с.
22. Молотилов, А. М. К вопросу о географическом распределении археологических памятников в Северной и Средней Барабе. Труды Томского общества изучения Сибири А. М. Молотилов. – Томск, 1913. – Т. II. – Вып. 1. – С. 221–229.
23. Панкратова, Л. В., Марочкин, А. Г., Юракова, А. Ю. Культурный комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье / Л. В. Панкратова, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 108–115.
24. Соколов, П. Г., Баштанник, С. В. Ирменское поселение Медынино-1 на левом притоке Томи – реке Стрелине и перспективы изучения ирменских древностей на юге Нижнего Притомья / П. Г. Соколов, С. В. Баштанник // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 29 (1). – С. 53–60.
25. Талицкая, И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья / И. А. Талицкая // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1953. – № 35. – С. 242–357.
26. Флоринский, В. М. Топографические сведения о курганах Томской губернии / В. М. Флоринский. – Томск, 1889. – 72 с.
27. Ширин, Ю. В. Городище Городок и его окрестности в древности / Ю. В. Ширин // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. – Вып. 6. – С. 69–112.

References:

1. Bobrov, V. V. Poselenie na r. Lyuskus [Settlement on the river Luskus]. Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archeology of South Siberia]. – Kemerovo, 1979, pp. 47–59. (In Russ.).

2. Bobrov, V. V. Goryaev, V. S., Umerenkova, O. V. Planigraficheskie osobennosti pamyatnika Tanay-12 [Planographic features of the Tanay-12 archeological site]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. – 2002. – Vol. VIII, pp. 229–233. (In Russ.).
3. Bobrov, V. V., Kovtun, I. V., Marochkin, A. G. Arkheologicheskie komplekсы v Nizhnetomskom ochage naskal'nogo iskusstva [The archaeological complex in Lower-Tom center of rock art]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. – 2009, Vol. XV, pp. 214–219. (In Russ.).
4. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu. Issledovaniya stoyanki Dolgaya-1 na yuge Nizhnego Pritom'ya (predvaritel'nye itogi) [The research of Dolgaya-1 camp in the south of Lower-Tom region (preliminary results)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. – 2012. – Vol. XVIII. – PP. 170–174. (In Russ.).
5. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Pankratova, L. V., Kononchuk K. V. Poselenie Ivanovka 1 na yuge Nizhnego Pritom'ya [Settlement Ivanovka 1 in the south of Lower-Tom region]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. – 2013. – Vol. XIX. – PP. 175–179. (In Russ.).
6. Bobrov, V. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Pankratova, L. V., Kononchuk, K. V., Shcherbakova, A. V. Novye materialy ranney – nachala razvitoy bronzy na poseleniyakh Nizhnego Pritom'ya [New materials of Early Bronze Age in the settlements of Lower-Tom region]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. – 2014. – Vol. XX. – PP. 108–111. (In Russ.).
7. Kulemzin, A. M., Borodkin, Yu. M. Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoy oblasti [Archaeological sites of Kemerovo region]. – Kemerovo, 1989, 158 p. (In Russ.).
8. Marochkin, A. G. Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Yashkinskom rayone Kemerovskoy oblasti v 2014 g. [Report on the conduct of archaeological reconnaissance in the Yashkinsky District of the Kemerovo Region in 2014]. – Kemerovo, 2015. – 86 p. (In Russ.).
9. Marochkin, A. G. Otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Yashkinskom rayone Kemerovskoy oblasti v 2015 g. [Report on the conduct of archaeological reconnaissance in the Yashkinsky District of the Kemerovo Region in 2015]. – Kemerovo, 2016. – 115 p. (In Russ.).
10. Marochkin, A. G. Periodizatsiya arkheologicheskikh drevnostey yuga Nizhnego Pritom'ya [Periodization of archaeological antiquities of the south of the Lower Tom Region]. // Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archeology of South Siberia]. – Kemerovo, 2016. – Vol. 27. – PP. 83–89. (In Russ.).
11. Marochkin, A. G., German, P. V. K arkheologicheskoy karte yuzhnykh rayonov Nizhnego Pritom'ya [By the archaeological map of the southern regions of Lower-Tom region]. Istoriko-kyl'turnoe nasledie Kyzbassa (aktual'nye problem izucheniya i okhrany pamyatnikov arkheologii [Historical and cultural heritage of Kuzbass (topical problems of research and preservation of archaeological sites)]. – Kemerovo, 2011. – Vol. 3. – PP. 78–86. (In Russ.).
12. Marochkin, A. G., Kononchuk, K. V., Yurakova, A. Yu. Sinerechka-1 – novyy khronostratifikatsionnyy pamyatnik na yuge Nizhnego Pritom'ya [Sinerechka-1 – a new chronostratified site in the south of the Lower Tom Region] // Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2013 goda Institut ekologii cheloveka SO RAN [Materials of scientific session of the IHE of the SB RAS in 2013]. Kemerovo, 2013. – PP. 133–138. (In Russ.).
13. Marochkin, A. G., Plats, I. A., Kononchuk, K. V. Rezul'taty arkheologicheskoy razvedki 2015 goda v iuzhnykh raionakh Nizhnego Pritom'ya [Results of archeological research on the South of Lower Tom Region in 2015 year]. Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» [Scientific notes of museum-preserve «Tomskaia Pisanitsa»]. – Kemerovo, 2015. – № 2. – pp. 58–65. (In Russ.).
14. Marochkin, A. G., Sizev, A. S., Plats, I. A., Kononchuk, K. V. Arkheologicheskaya razvedka v srednem i nizhnem techenii r. Tomi v 2016 g. [The archeological reconnaissance in Middle and Lower Tom region in 2016] // Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» [Scientific notes of museum-preserve «Tomskaia Pisanitsa»]. – Kemerovo, 2017. – № 5. – PP. 67–76. (In Russ.).
15. Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu. Materialy neolita-eneolita stoyanki Dolgaya-1 (yuzhnye rayony Nizhnego Pritom'ya) [Materials Neolithic-Eneolithic Dolgaya-1 camp (the south of Lower-Tom region)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University]. – 2014, No 3. – PP. 189–201. (In Russ.).
16. Marochkin, A. G., Jurakova, A. Ju., Kononchuk, K. V., Shcherbakova A. V., Plac, I. A., Fal'man, A. V., Sizev A. S. Razvedochnye izyskaniya Nizhnetomskogo otryada Kuzbasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2014 g. [Exploratory research Nizhnetomsky squad of Kuzbass archaeological expedition in 2014]. Material ynauchnoy sessii IECh SO RAN 2013 goda [Materials of scientific session of the IHE of the SB RAS 2014]. – Kemerovo, 2014. – Vol. 6. – PP. 130–134. (In Russ.).
17. Marochkin, A. G., Jurakova, A. Ju., Sizev, A. S., Shcherbakova, A. V., Plac, I. A. Rezul'taty issledovaniy Nizhnetomskogo otryada Kuzbasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2012 g. [Research results of Nizhnetomsky squad of Kuzbass

- archaeological expedition in 2012]. Sbornik nauchnykh trudov IECh SO RAN [Collection of scientific papers IHE of the SB RAS]. – Kemerovo, 2012, PP. 113–115. (In Russ.).
18. Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Shcherbakova, A. V., Plats, I. A., Kononchuk K. V., Veretennikov A. V. Raskopki poselencheskikh pamyatnikov na yuge Nizhnego Pritom'ya [The excavations of settlement sites in the south of Lower-Tom region]. Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Scientific notes of the museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa”]. – 2015. – iss. 2. – PP. 50–57. (In Russ.).
  19. Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu., Shcherbakova, A. V., Fal'man, A. V., Veretennikov, A. V., Plats, I. A., Sizev, A. S., Kononchuk, K. V. [The new archaeological materials of Kuznetsk forest-steppe and Tom region (by the results of excavations of 2016)]. // Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Scientific notes of the museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa”]. – 2017, iss. 5. – PP. 77–85. (In Russ.).
  20. Martynov, A. I. Pasporta arkheologicheskikh pamyatnikov (35 sht.), otdel'nye nakhodki (18 sht.) [Passports of archaeological sites (35 pcs.), Individual finds (18 pcs.)]. – Kemerovo, 1965. Archives of the Museum «Archeology, Ethnography and Ecology of Southern Siberia», d. N 22. (In Russ.).
  21. Matyushchenko, V. I. Elovskiy arkheologicheskii kompleks [Elovskiy archeological complex.]. – Omsk, OmGU publ., 2004. – Ch. 2. 467 p. (In Russ.).
  22. Molotilov, A. M. K voprosu o geograficheskom raspredelenii arkheologicheskikh pamyatnikov v Severnoy i Sredney Barabe [To the question of the geographical distribution of archaeological sites in the Northern and Middle Baraba]. Trudy Tomskogo obshchestva izucheniya Sibiri [Proceedings of the Tomsk Society for the Study of Siberia]. – Tomsk, 1913. – Vol. II. – iss. 1 – PP. 221–229. (In Russ.).
  23. Pankratova, L. V., Marochkin, A. G., Yurakova, A. Yu. Kul'tovyy kompleks kulayskoy kul'tury v Kuznetskom Pritom'e [Cult complex of the Kulaysk culture in the Kuznetsk Tom region]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Tomsk State University. History]. – 2014. – №. 3 (29). – PP. 108–115. (In Russ.).
  24. Sokolov, P. G., Bashtannik, S. V. Irmenskoe poselenie Medynino-1 na levom pritoke Tomi – reke Streline i perspektivy izucheniya irmenskikh drevnostey na yuge Nizhnego Pritom'ya [The Irmen settlement Medynino-1 on the Strelina – left tributary of the Tom River and the prospects for studying the Irmen antiquities in the south of the Lower-Tom region]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. – Kemerovo, 2014. – iss. 29 (1). – PP. 53–60. (In Russ.).
  25. Talitskaya, I. A. Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego i Srednego Priob'ya [Materials for the archaeological map of the Lower and Middle Ob region]. – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR]. – Moscow, 1953, No 35. – P. 242–357. (In Russ.).
  26. Florinskiy, V. M. Topograficheskie svedeniya o kurganakh Tomskoy gubernii [Topographical information about the barrows of Tomsk province]. – Tomsk, 1889. – 72 p. (In Russ.).
  27. Shirin, Yu. V. Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti [Gorodische Gorodok and its environs in the past]. Kuznetskaya starina [Kuznets antiquity]. – Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' publ., 2004. – iss. 6. – PP. 69–112. (In Russ.).

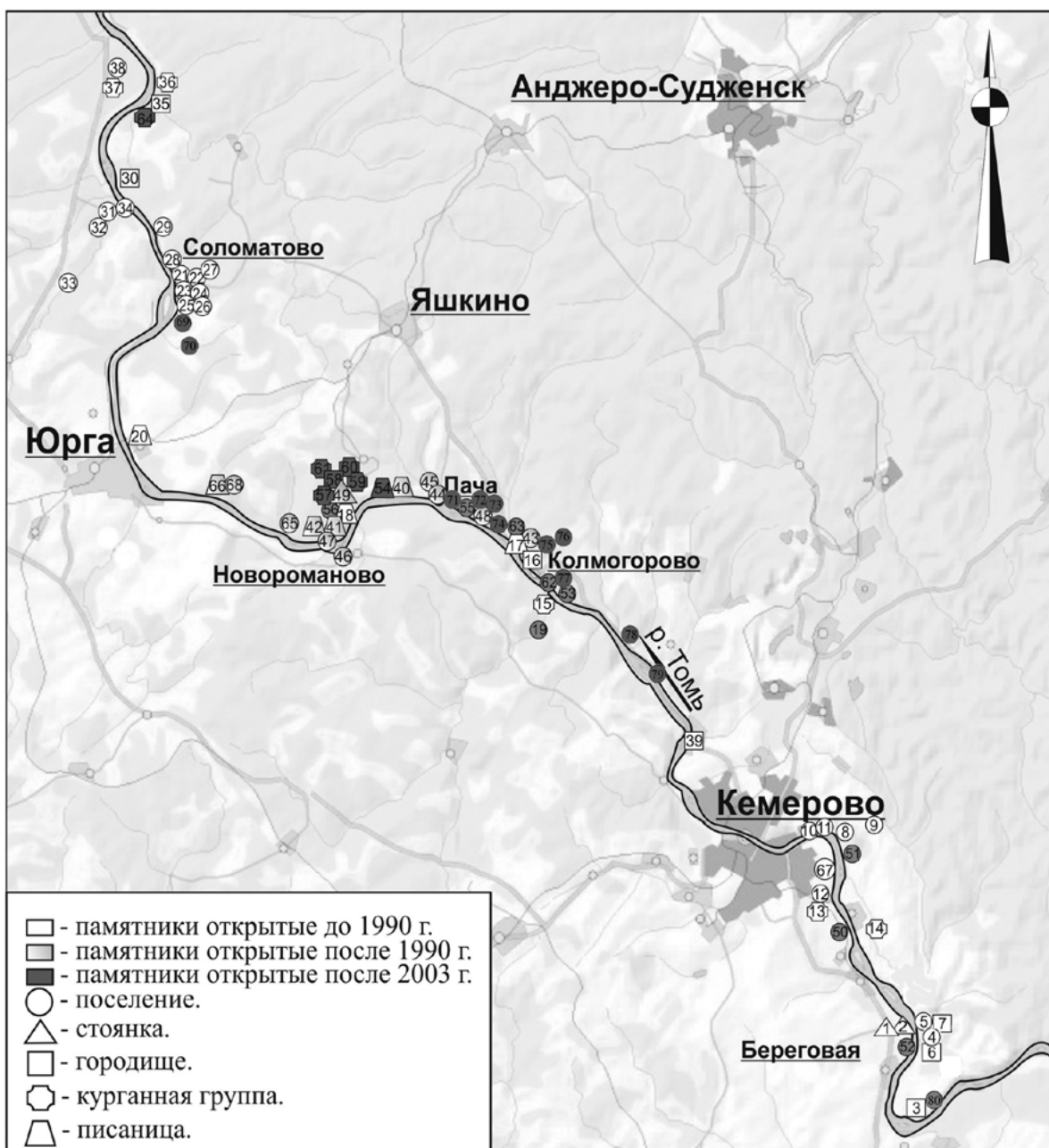

Рис. 1. Карта археологических памятников юга Нижнего Притомья.

1 - Шумиха I, 2 - Шумиха II, 3 - Городок, 4 - Старочервово I, 5 - Старочервово II, 6 - Старочервово III, 7 - Старочервово IV, 8 - Журавли I, 9 - Осиновка, 10 - Люскус I, 11 - Люскус II, 12 - Металлплощадка I, 13 - Металлплощадка II, 14 - Елыкаево, 15 - Усть-Стрелина, 16 - Колмогурово, 17 - Томская писаница, 18 - Новоромановская писаница, 19 - Медынино, 20 - Тутальская писаница, 21 - Соломатово I, 22 - Соломатово II, 23 - Соломатово III, 24 - Соломатово IV, 25 - Соломатово V, 26 - Соломатово VI, 27 - Соломатово VII, 28 - Соломатово VIII, 29 - Иткара, 30 - Сосновый острог, 31 - Лебязья I, 32 - Лебязья II, 33 - Лебязья III, 34 - Лебязья IV, 35 - Усть-Сосновка I, 36 - Усть-Сосновка II, 37 - Варюхино I, 38 - Варюхино II, 39 - Верхотомский острог, 40 - Крутая I, 41 - Вторая Новоромановская писаница, 42 - Висящий камень, 43 - Писаная I, 44 - Пача I, 45 - Пача II, 46 - Новороманово I, 47 - Новороманово II, 48 - Ивановка I, 49 - Долгая I, 50 - Пугачи I, 51 - Жургавань I, 52 - Береговая I, 53 - Пещерка I, 54 - Крутая II, 55 - Синеречка I, 56 - Долгая II, 57 - Долгая III, 58 - Долгая IV, 59 - Долгая V, 60 - Долгая VI, 61 - Долгая VII, 62 - Заимка I, 63 - Писаная II, 64 - Шумиха, 65 - Крылово I, 66 - Никольская писаница, 67 - Сухово, 68 - Усть - Никольская I, 69 - Кулаково I, 70 - Кулаково II, 71 - Пача IV, 72 - Синеречка II, 73 - Синеречка III, 74 - Ивановка II, 75 - Писаная III, 76 - Бондарева гора, 77 - Пещерка II, 78 - Каменка I, 79 - Верхотомское I, 80 - Городок III.

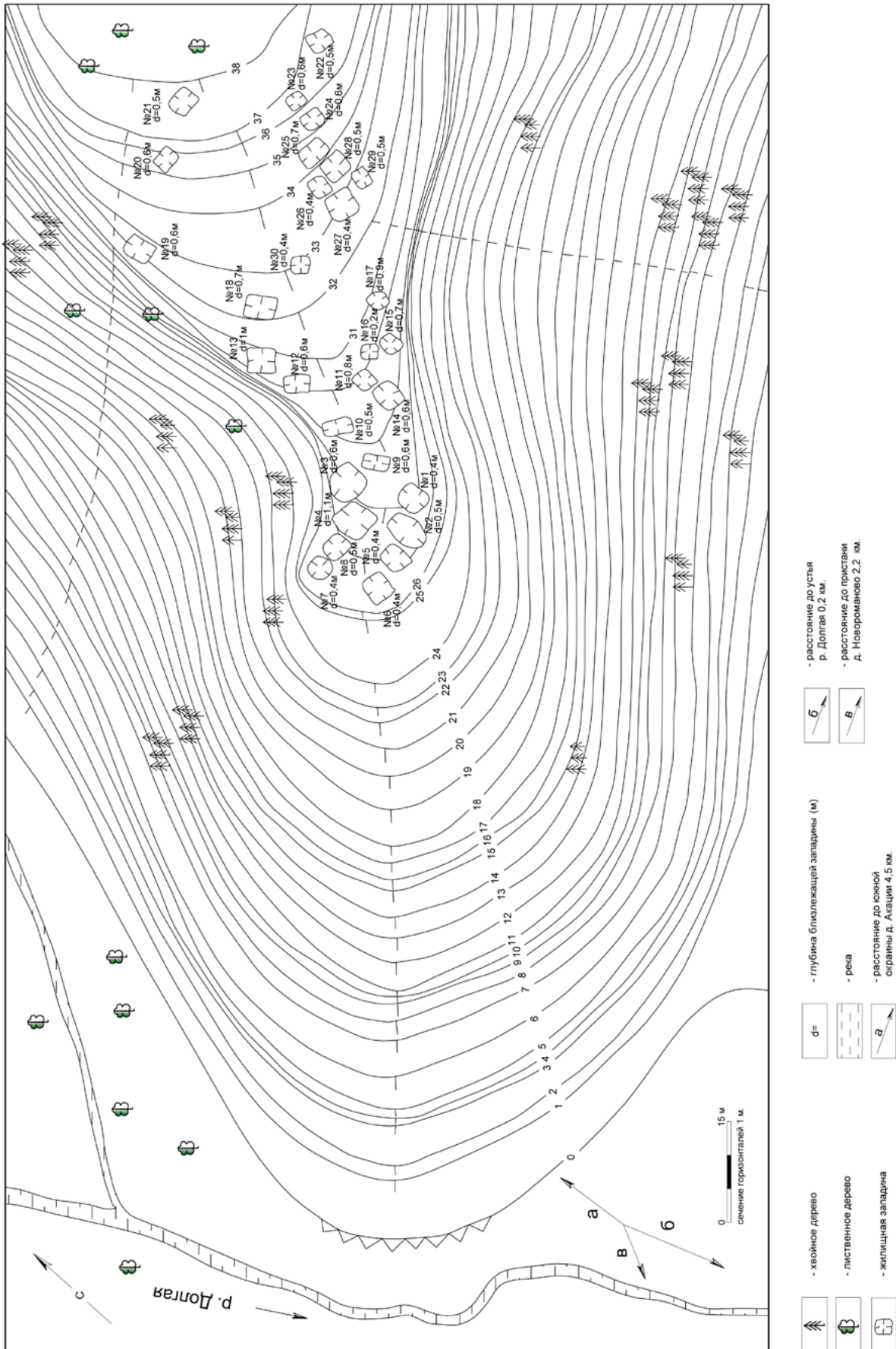

Рис. 2. Городище Долгая 4. Топографический план.

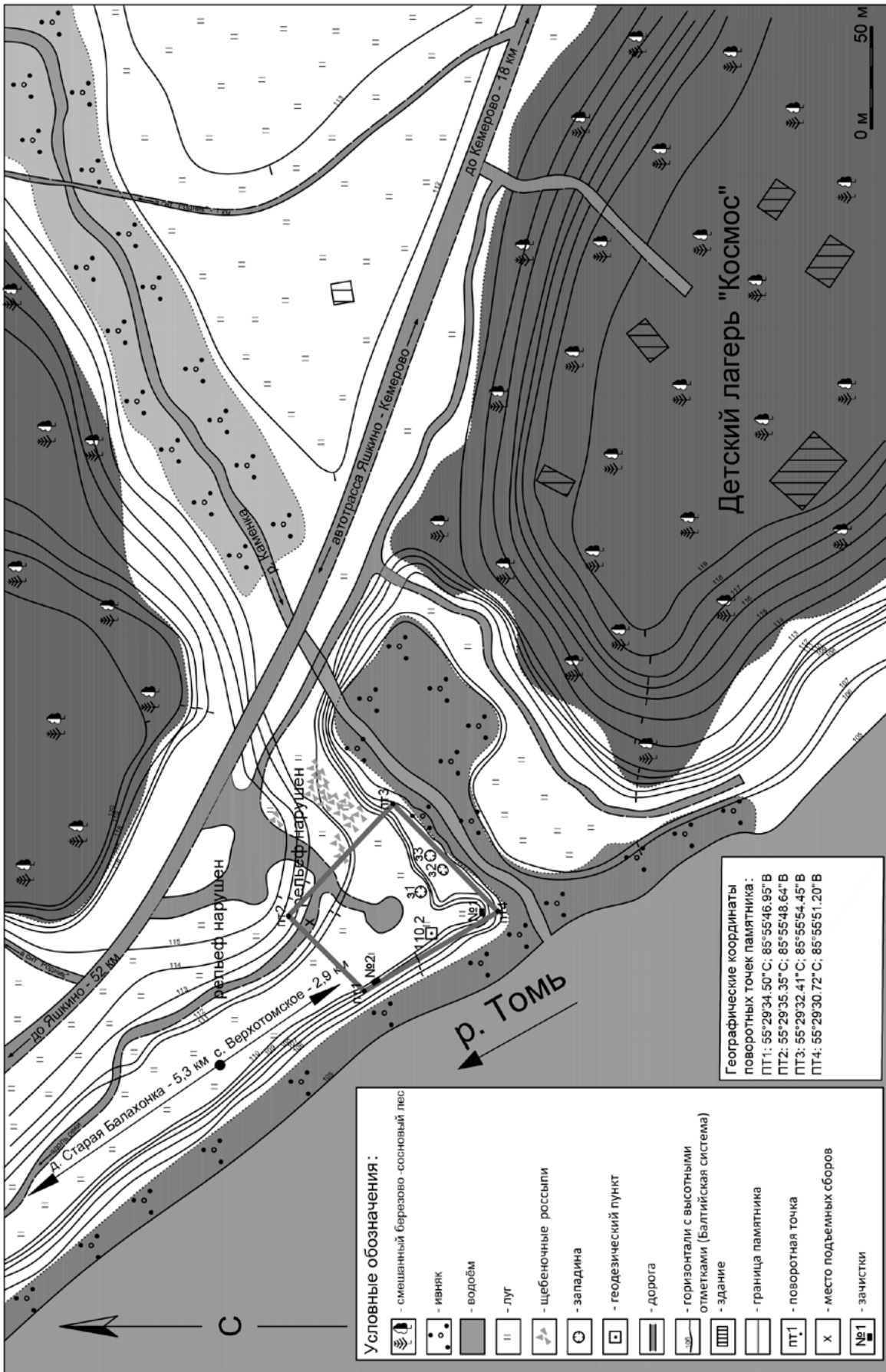

Рис. 3. Поселение Каменка 1. Топографический план.

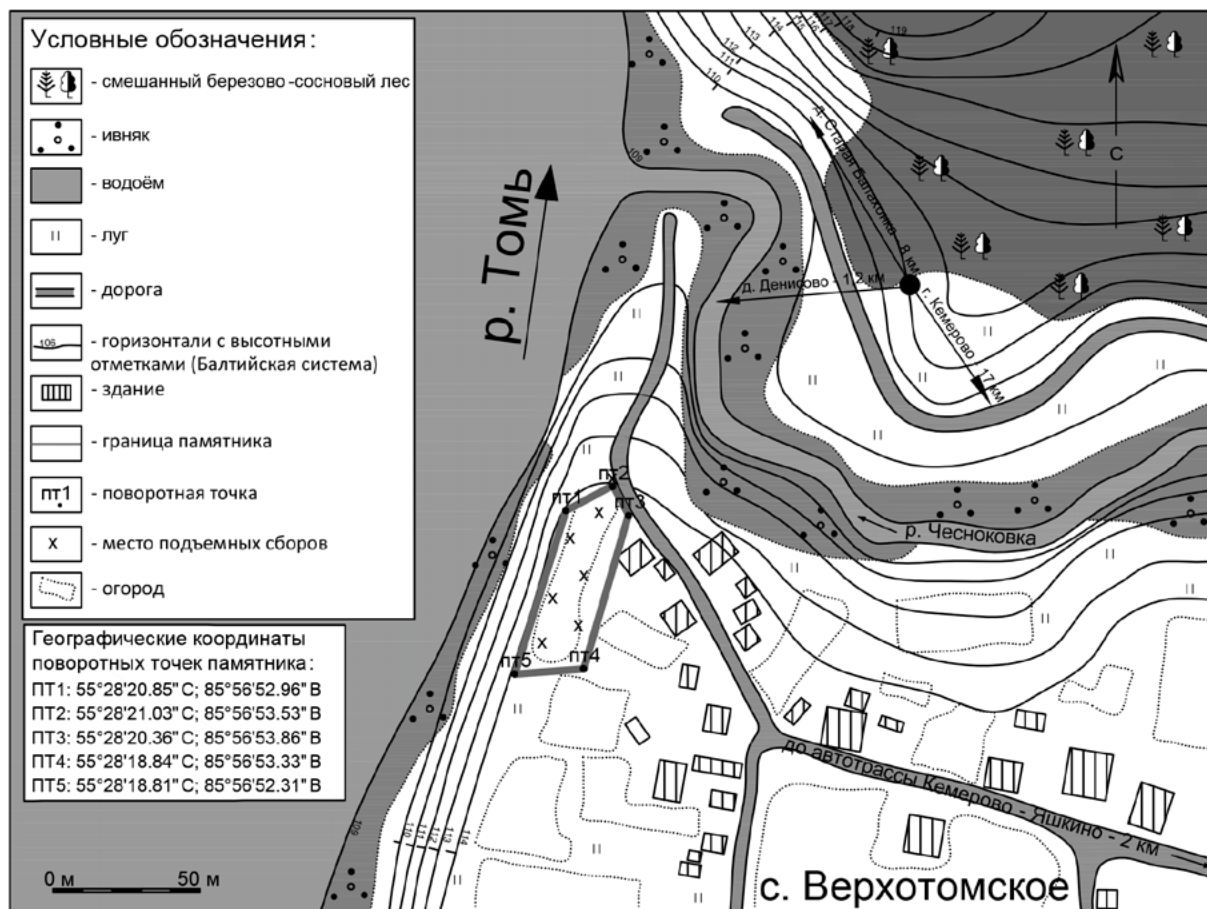

Рис. 4. Поселение Верхотомское 1. Топографический план.

ИСТОРИЯ

УДК 271 (571)

**ИЗ ИСТОРИИ НИКОЛЬСКОГО ПРИХОДА КЕМЕРОВА:
ЦЕРКОВЬ НА УЛИЦЕ ЧАПАЕВА****Адаменко Алексей Михайлович,**

к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел информации, Государственное казенное учреждение Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: amadamenko@yandex.ru

Челомбитко Мария Александровна,

научный сотрудник, Музей физической культуры и спорта Кузбасса (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: mary-abrams11-08@yandex.ru

Статья посвящена одной из Никольских церквей Кемерово (до 1932 г. Щегловска), которая располагалась на улице Чапаева (до 19 февраля 1937 г. ул. Крестьянской). Рассматривается причина ее появления, каноническая направленность, местонахождение на современной карте города.

Ключевые слова: Кемерово, Щегловск, Никольский приход, церковь, григорианский раскол.

**EXCERPTS ON THE HISTORY OF NIKOLSKY PERISH OF
KEMEROVO: A CHURCH IN CHAPAEV STREET****Adamenko Alexey Mihailovich,**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Information Department, State-owned institution Kemerovo region «State archive Kemerovo region» (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: amadamenko@yandex.ru

Chelombitko Mariia Alexandrovna,

Researcher, State Autonomous Institution of Kemerovo region «Sports Teams Training Center» Museum of Physical Culture and Sports of Kuzbass (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mary-abrams11-08@yandex.ru

The article considers one of St. Nicholas' Churches of Kemerovo (which was called Scheglovsk up to 1932) located in Chapaev Street (called Krestyanskaya St. up to February 19, 1937). We examine the reason of its construction, canonical orientation, and location on a present-day map of the city.

Keywords: Kemerovo, Scheglovsk, Nikolsky Perish, Church, Gregorian Dissent.

Авторы выражают благодарность председателю комиссии по канонизации святых Кемеровской епархии, редактору газеты «Золотые купола» прот. Максиму Мальцеву за предоставленные сведения.

Известно, что Советская власть боролась против Русской Православной Церкви, в частности, поддерживая обновленчество, григорианство – расколы, возникшие в XX в. Из-за этого стал актуальным вопрос о канонической принадлежности уже существовавших общин. Иногда общины делились, из-за чего порой открывались новые храмы. Так произошло и в г. Щегловске (ныне Кемерово). Щегловская религиозная община при Никольском храме на ул. Советской с 1922 г. стала обновленческой. Но в конце 1925 г. в ней

выделилась группа последователей канонической Церкви. Последних из общины исключили, храм и культовое имущество по договору были сданы обновленцам [2, л. 14]. Сторонники канонической направленности зарегистрировались как вновь возникшая община в количестве 140 человек [2, л. 14–15]. В документах встречаются разные ее наименования, но везде в названиях присутствует слово «староцерковники» [напр. 2, л. 50]. 7 марта 1926 г. на заседании совета общины из 13 человек «единогласно постановили присое-

диниться и принять возглавление Архиепископа Димитрия Томского» [2, л. 11]. Через некоторое время архиепископ Димитрий (Беликов) перешел в григорианский раскол. О том, что община также перешла в григорианский раскол свидетельствуют сведения и из документов [2, л. 209 об., л. 214, л. 219 об., л. 222–223 и др.].

Службы и собрания проходили сначала на дому одного из членов общины – Терентия Егоровича Сенникова на ул. Трудовой [2, л. 17], а затем в построенном общинниками [2, л. 78] молитвенном доме, расположенном в квартале 211 места 6 и 7 [2, л. 23] (упоминаются также места 5 и 6 [2, л. 20]), который по договору, был передан общине 12 мая 1927 г. [2, л. 23]. В соответствии с описью передаваемого имущества известно, что молитвенный дом был «деревянный, крытый тесом на 2 ската, колокольни и купола нет, о четырех дверях, окон без решеток» [2, л. 25]. Можно найти и адрес с улицей – Крестьянская, 17 [2, л. 141], (по другим источникам номер дома – 21 [3, л. 64об.]), но в документе от 20 июня 1937 г. адрес иной – Чапаева, 27 [3, л. 191]. Это объясняется тем, что 19 февраля 1937 г. улица Крестьянская была переименована в улицу Чапаева [5, с. 33, с. 61].

Примечательно, что на топографическом плане Кемерова, составленном в 1932–1934 гг. (план хранится в Кемеровском областном краеведческом музее), можно найти квартал 211 – он очерчен четырьмя улицами: Крестьянской,

Красноармейской, Омской (ныне улица им. 50 лет Октября [5, с. 43, с. 36]) и Интернациональной, часть которой сохранилась в виде нынешней улицы Демьяна Бедного [5, с. 21]. В настоящее время улицы Крестьянской (Чапаева) в данном районе не существует, но по другим обозначенным выше улицам можно сделать вывод: Никольская церковь располагалась в районе между современными улицами 50 лет Октября, Красноармейской и условным продолжением линии улицы Демьяна Бедного. Это соотносится с воспоминаниями старожилки Елисеевой Е. Г., согласно которым церковь стояла за нынешним кинотеатром «Космос».

В 1939 г. церковь была закрыта [1, л. 233]. По документу 1940 г. в помещении бывшей церкви находилась мастерская артели «Химик» [4, л. 221].

Таким образом, Никольская церковь в квартале 211 была построена из-за расколов XX в. в Русской Православной Церкви. Возникла община из-за отделения от обновленцев и была сначала канонической, но в 1927 г. перешла в григорианский раскол. Службы и собрания сначала проводились на дому у Терентия Егоровича Сенникова на ул. Трудовой, но когда общинники построили молитвенный дом в квартале 211 на ул. Крестьянская, 17 или 21 (впоследствии ул. Чапаева, 27), то собирались там. В 1939 г. церковь была закрыта, после чего, в здании располагалась мастерская артели «Химик».

Литература:

1. ГАКО. ф. Р-18. оп. 1. д. 1.
2. ГАКО. ф. Р-18. оп. 1. д. 55.
3. ГАКО. ф. Р-18. оп. 1. д. 773.
4. ГАКО. ф. Р-964. оп. 1. д. 1.
5. Усков, И. Ю. Кемерово: городская топонимия / И. Ю. Усков. – Кемерово: Примула, 2013. – 108 с.

References:

1. GAKO. f. R-18. op. 1. d. 1. (In Russ.).
2. GAKO. f. R-18. op. 1. d. 55. (In Russ.).
3. GAKO. f. R-18. op. 1. d. 773. (In Russ.).
4. GAKO. f. R-964. op. 1. d. 1. (In Russ.).
5. Uskov, I. Y. Kemerovo: gorodskaya toponimiya [Kemerovo city: urban toponymy]. – Kemerovo: Primula, 2013. – 108 p. (In Russ.).

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ

К 400-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ КУЗНЕЦКОГО ОСТРОГА**Рукописная копия Отписки томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о построении Кузнецкого острога (1618 г. не ранее мая).¹**

Копия выполнена в 1733 году в Томском архиве по распоряжению руководителя академического отряда Второй Камчатской профессора Г.Ф. Мил-

лера. Подлинник документа, написанного в 1618 году не сохранился.

* * *

№ 55

Господину князю Ивану Семеновичю Федор Бабарыкин, Гаврило Хрипунов челом бьют. В нынешнем, господине, во 126-м году февраля в 24 день писали мы к тебе с Томскими казаки с Ларькою Олексеевым да с Ярошкою Порамоновым, что в нынешнем же во 126-м году февраля в 18 день послали мы в Кузнецкие волости голов татарского Осипа Кокорева, да казачья Молчана Лаврова, да с ним Томских служивых людей конных стрельцов и казаков и татар на лыжах, а велели мы им в Кузнецких волостех сойтитца с сыном боярским с Остафьем Харламовым и итти на улусы [на] Кондому реку, а пришед на тое Кондому реку, велено им Осипу, да Молчану, да Остафью и Томским, и Тюменским, и Верхотурским служивым людям на усть Кондомы реки, присмотря место угодее, где были угодьи всякие, поставить острог, и всем укрепили, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку призывать ласкою, а не жесточью, чтоб Кузнецких и иных

волостей люди были под государевою высокою рукою безотступно, и государев ясак с себя государю ежегод давали. А буде которых Кузнецких и иных волостей люди учинят в непослушанье, под государевою царскою рукою быть не похотят, и тех волостей непослушников велели воевать, жен их и детей в полон имать, а лутчих людей в закладчики приводить. И нынешнего 126-го году майя в 3 день головы Осип Кокорев да Малчан Лавров и с служивыми людьми из Кузнецов в Томской город пришли и сказали нам в съезжей избе Осип и Молчан и Остафей Харламов писал, что божиею милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем и его царскою высокою рукою в Кузнецких волостех на усть Кондомы реки с Томскими, и с Тюменскими, и с Верхотурскими с конными людьми острог поставили, и крепость зделали, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели.

1. СПФ АРАН, Ф. 21, Оп.4, Д. 17, ЛЛ. 69 об – 70.

6905

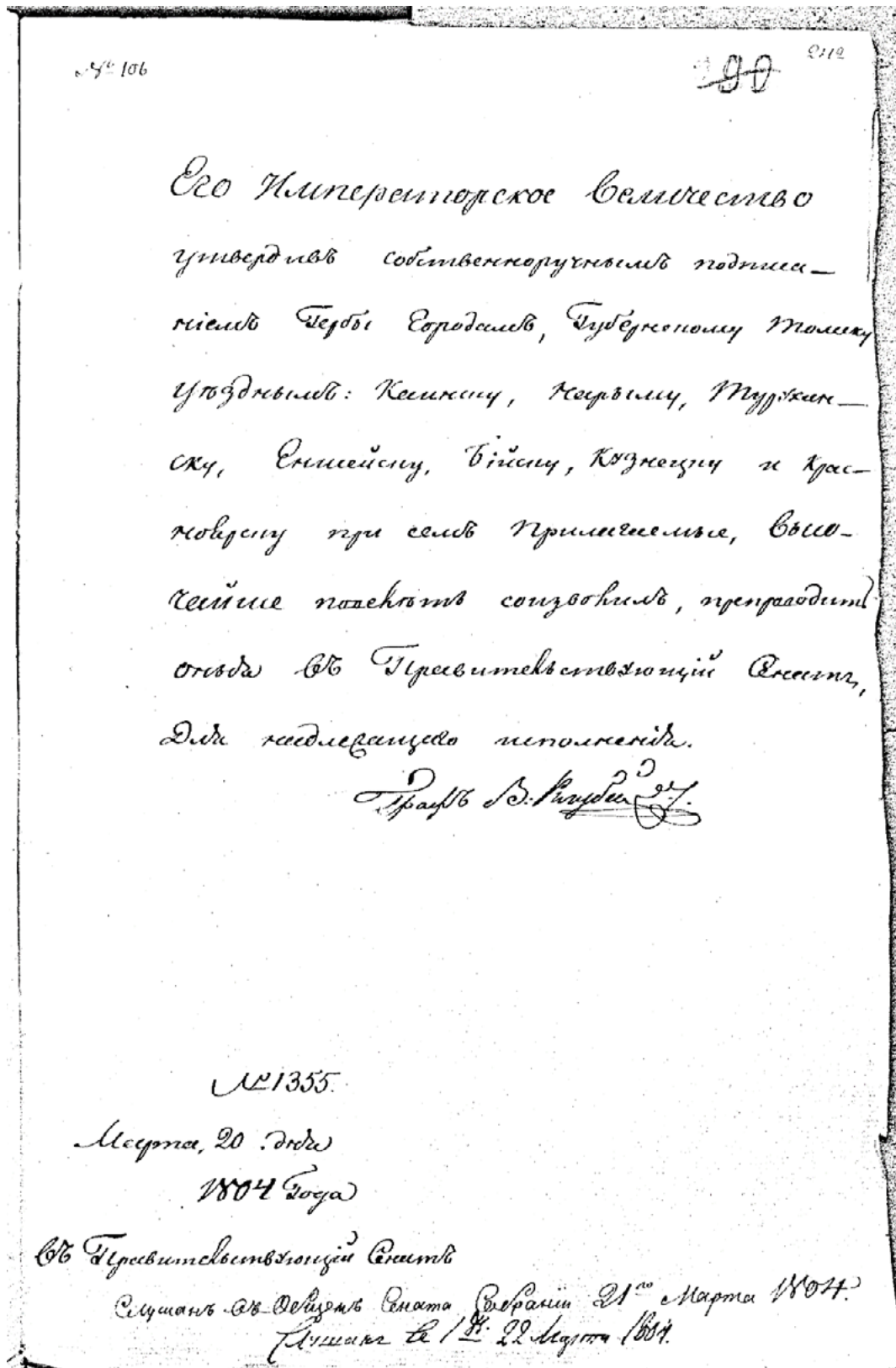
Здравни бзди слупи Нниотпоры ибузи
 нилое мхъ в бусурманай вровь непра
 дика дагто угнутея гогорити иотпове
 оспадвд олнаттея втомноу гороу Кроваоуд
 Крвгору ласи бандо бабаринку Аларку
 иданго хрпуюду агто угтеоа взборегуров
 Кани. Мийне рухиди итмъ тпу Тррр
 Кани мийне ваянуд рухия итегезо прика
 втомноу городеу мотанеу Кароалдане
 слай сев паметтеу Атегоу Казанеу илгане
 Иванодеу итмъ его олутти втомноу гороу
 иазаче

55

Дану Кизд Ивану Емикоандеу Фуд бабарин
 гадруко хрпуюдеу игомеу вьдтея винеши
 гуне во 126 году Аларке во 24 днх Писка
 мы Атегеу степинки Казани селюд оле
 мнереу даяршиноу порамондеу то вине
 шнереу во 126 году Аларке во 18 днх
 поскани мн. вундичине волостан гогоудте
 старшого оента Конореу даша бавва Мо
 ганиа Карола Асикмеу тедидеу суркане
 Кудеу Кождеу степинцеу икабанеу итамеу
 Налдрахеу иделени мн. итмъ вундичин волос
 ттяхеу со тизеу сиво бидини востеу Атегеу
 Карамондеу итмъ наукеу Кочому рву

Письмо Министра Внутренних дел графа Виктора Павловича Кочубея, извещающее об утверждении гербов городам Томской губернии и рисунки гербов городов Бийск и Кузнецк с резолюцией Александра I «Быть по сему» и его собственноручной подписью¹.

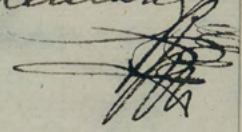

1. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 266, лл. 242, 246.

Бийска.

2011 ²¹¹
Бястко аму

Александр

130 С. Г. Бура
Март 12 1864-1.

КОНЦА, КОС.

План г. Кузнецка первой половины XVIII в.

Выполнен в 30-40-е годы XVIII в. первыми русскими геодезистами, предположительно, Василием или Иваном Шишковыми, по поручению

выдающегося отечественного историка, географа и государственного деятеля Василия Никитича Татищева.

К статье Миклашевич Е.А., Ойношев В.П., Бове Л.Л.
Древние рисунки в гроте на горе Кайындубут (Горный Алтай)

1

2

3

4

Цв. вкл. I. Грот на горе Кайындубут: 1 – вид снаружи (стрелка указывает расположение рисунков); 2 – вид изнутри; 3 – естественный пигмент в одной из расщелин на северной стене; 4 – выполненные краской рисунки на потолке грота.

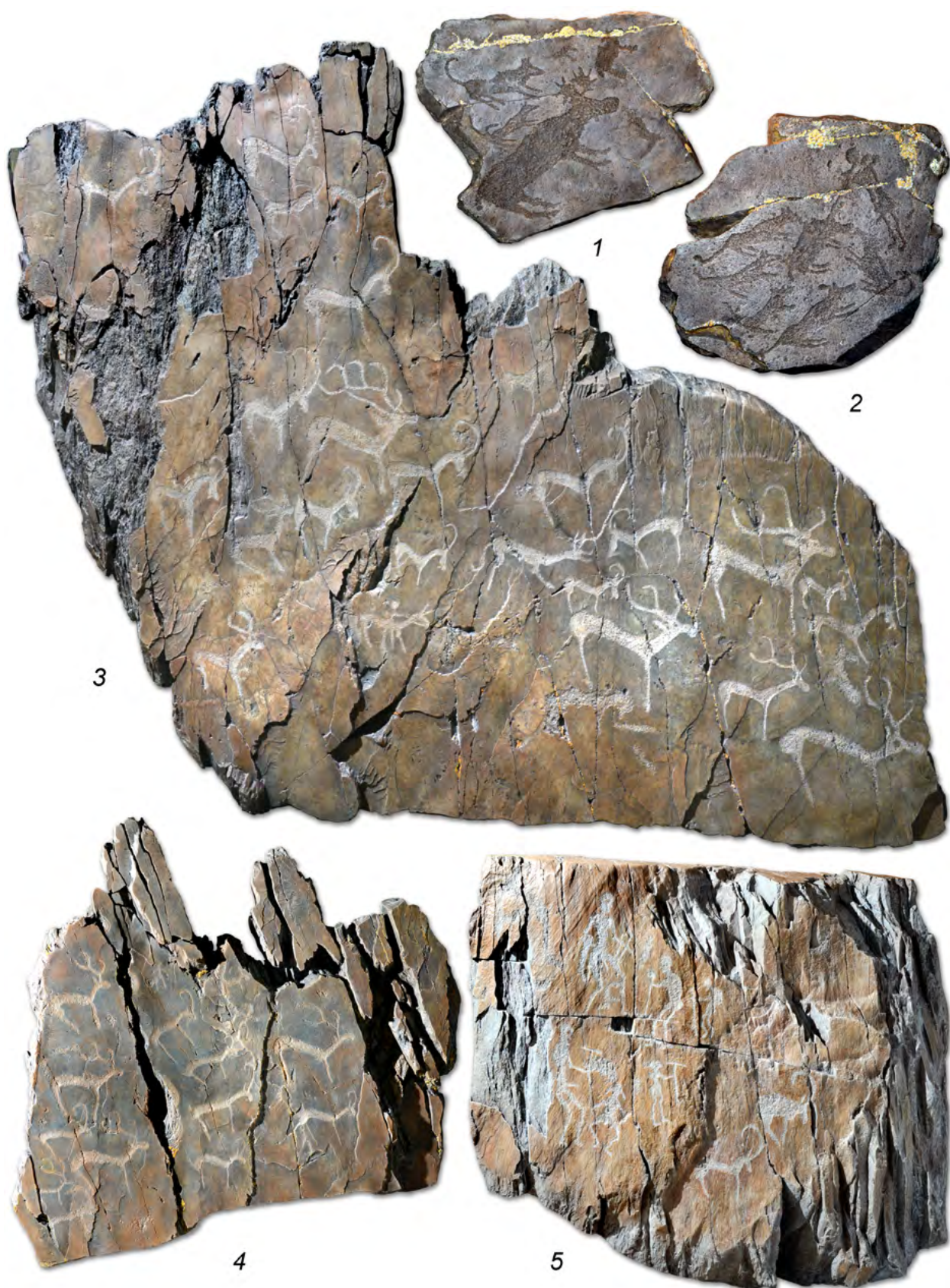
1

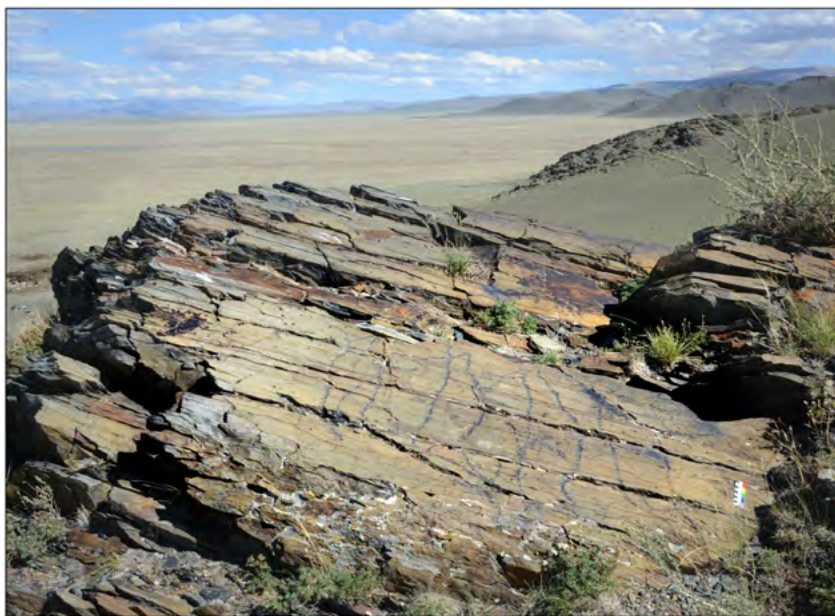
2

Цв. вкл. II. Фрагменты композиции на потолке грота. Фотографии обработаны в программе Adobe Photoshop (повышение контраста и усиление насыщенности красного цвета).

К статье Миклашевич Е.А. О выставке «Наскальное искусство Южной Сибири»
и работах по изготовлению факсимильных копий петроглифов Алтая

Цв. вкл. I. Факсимильные копии петроглифов Алтая, изготовленные для выставки: 1, 2 – эпоха бронзы, р. Чаган; 3–5 – скифское время, гора Жалгыз-Тобе.

1

3

2

4

5

Цв. вкл. II. Факсимильные копии петроглифов Алтая, изготовленные для «Археологического сада камней» в Барнауле: 1 – плоскость с древнейшими изображениями на горе Курмантау в её природном контексте; 2 – объёмная факсимильная копия этой плоскости в саду камней; 3 – Е.А. Миклашевич и Л.Л. Бове; 4 – копия петроглифов эпохи бронзы на р. Чаган; 5 – общий вид сада камней.